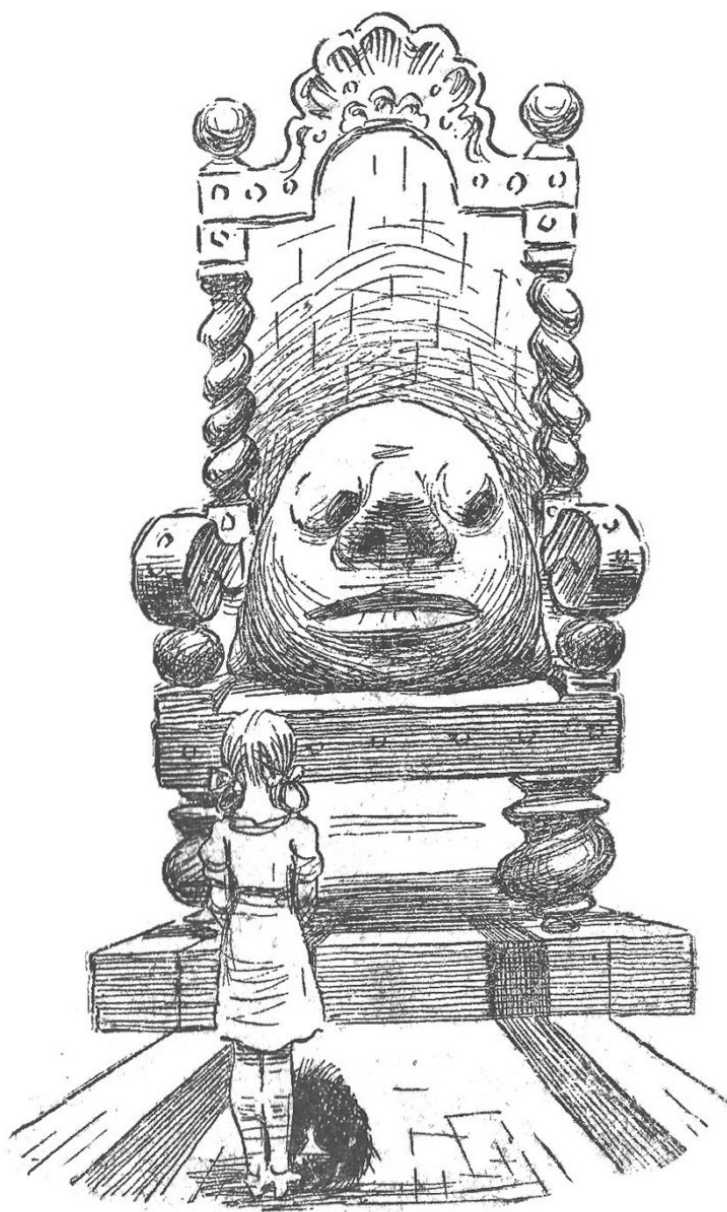

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Эрика Хабер

СТРАНА ОЗ ЗА ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ

Эрика Хабер

Страна Оз за железным занавесом

«НЛО»

Хабер Э.

Страна Оз за железным занавесом / Э. Хабер — «НЛО»,

ISBN 978-5-44-482097-1

Книга Александра Волкова «Волшебник Изумрудного города» – одно из ключевых произведений советской культуры. Эту адаптацию сказки американского писателя Лаймена Фрэнка Баума о стране Оз, вышедшую в 1939-м году, в разгар самых жестоких репрессий, ждали невероятный читательский успех и долгая литературная жизнь. Эрика Хабер в своей работе исследует судьбу сказки Волкова, столь похожую на судьбу книги Баума, оказавшей большое влияние на развитие детской литературы в США. Как эта история сумела преодолеть культурные барьеры и стать популярной за «железным занавесом»? И как Волкову удалось создать на основе американской сказки книгу, встроенную в советскую педагогическую модель и при этом столь любимую маленькими читателями? Ответы на эти вопросы автор ищет, сравнивая биографии писателей и встраивая их произведения в исторический и политический контекст эпохи. Эрика Хабер – профессор Сиракузского университета, специалист по славянским языкам и литературам, PhD.

ISBN 978-5-44-482097-1

© Хабер Э.

© НЛО

Содержание

Введение	5
Глава 1	11
Первые попытки рассказать историю жизни Лаймена Фрэнка Баума	12
История семьи Баумов	15
Детство и юность в Сиракузах	18
Семья и поиски карьеры	21
Другие имена, другие книги	25
В Калифорнии, 1909–1919	27
Глава 2	28
Подступы к биографии А. М. Волкова	29
История семьи Волкова	31
Детство Александра и начало учебы в Казахстане	33
Продолжение образования, работа и семейная жизнь	35
Сибирь в конце XIX – начале XX века	38
За волшебными сказками	42
Последняя глава	45
Глава 3	46
Волшебные сказки и британская модель детского чтения	48
Альтернативный путь детской литературы в Северной Америке	50
Эволюция американской педагогики и руководство детским чтением	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эрика Хабер

Страна Оз за железным занавесом

Введение

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ «ВОЛШЕБНИКА» И ВАЖНОСТЬ КОНТЕКСТА

В 1939 году в Советском Союзе Александр Мелентьевич Волков, сорокавосемилетний московский математик и подающий надежды детский писатель, опубликовал сказочную повесть «Волшебник Изумрудного города» – переработанную и исправленную версию «Удивительного волшебника страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума. Одной-единственной строчкой на странице с копирайтом издатель сообщил, что книга представляет собой переработанную версию сказки американского писателя Лаймена Фрэнка Баума, но при этом Волков указан как автор, а не как переводчик, и только его имя стоит на обложке и на титульном листе. Волков, неизвестный и неопытный автор, попытался пробиться в подчиненную политическим требованиям советскую детскую литературу с потенциально рискованной иностранной сказкой. Более того, он предпринял эту попытку в разгар сталинских репрессий, когда произведения, вызвавшие недовольство вождя, могли стать смертным приговором как для издателей, так и для писателей. Но Волкову, вопреки огромному противодействию, удалось совершить выдающийся подвиг и опубликовать первую американскую волшебную сказку в сталинском Советском Союзе.

Советские дети с восторгом приняли «Волшебника Изумрудного города» и засыпали автора просьбами написать продолжение. Вместо этого Александр Мелентьевич Волков обратился к более безопасным образовательным жанрам и долгие годы писал для детей научно-популярные книги, исторические повести и рассказы на военные темы. В 1959 году, когда после смерти Сталина в СССР наступил период культурных послаблений, писатель издал еще более переработанную версию своего «Волшебника Изумрудного города» с новыми иллюстрациями. В этом втором издании он еще раз переставил главы, изменил имена и внес исправления, чтобы устранить недостатки оригинальной версии. Несмотря на вольное обращение автора с изначальным текстом история все еще оставалась похожа на книгу Баума, но новое поколение советских детей, не догадываясь об истоках полюбившейся им сказки, отдавало свою любовь «Волшебнику» Волкова. До своей смерти в 1977 году Волков успел написать еще пять книг, продолживших серию о Волшебной стране: «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» (1963), «Семь подземных королей» (1964), «Огненный бог марранов» (1968), «Желтый туман» (1970) и «Тайна забытого замка» (опубликована посмертно в 1982).

Подобно четырнадцати книгам Баума о стране Оз, истории Волкова о Волшебной стране стали основой советской популярной культуры. Начиная с 1940-х годов переработанная Волковым версия книги Баума, а также написанные им продолжения легли в основу театральных и кукольных постановок, стали либретто для оперы, сценарием для многосерийного мультфильма, детского мюзикла, кинофильма. А не так давно был открыт музей, посвященный Волкову и его творчеству. «Волшебник Изумрудного города» был переведен на многие языки – от армянского до урду, и во всех зарубежных изданиях Волков был указан как автор, а имя Баума не упоминалось. После смерти Волкова в СССР и Восточной Германии появились эпигоны, которые продолжили пополнять серию. И поныне авторы в России пишут новые книги, продолжая историю о Волшебной стране – точно так же, как американские авторы, теле- и кино-сценаристы по-прежнему развивают серию о стране Оз Баума. На сегодняшний день несколько

поколений детей в Советском Союзе, России и Восточной Европе выросли на книгах Волкова, почти ничего не зная о русском авторе и еще меньше – о Л. Ф. Бауме и его знаменитой книге. Но большинство американцев никогда не слышали об Александре Мелентьевиче Волкове и ничего не знают о том влиянии, которое он оказал на литературу в Советском Союзе и за его пределами, а те, кто слышал о Волкове, часто расценивают его творчество как плагиат, мотивированный условиями холодной войны.

В книге «Страна Оз за железным занавесом» исследуются переплетения истории Волкова о Волшебной стране и книги Баума о стране Оз, обе серии рассматриваются в рамках контекста развития детской литературы в США и СССР. Мне как исследователю необходимо было рассмотреть два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, что помогло истории Баума, считающейся первой американской волшебной сказкой, преодолеть культурные барьеры и обрести популярность за железным занавесом, где американские ценности и идеалы в годы холодной войны явно были не популярны? Во-вторых, почему и как Волкову удалось превратить культовое американское произведение в серию книг, которые не только соответствовали предписанной советской детской литературе моделям, но и тронули сердца юных читателей в Советском Союзе и в странах Восточного блока?

Невозможно рассказывать об Александре Волкове, не упоминая Л. Фрэнка Баума и его выдающуюся историю о стране Оз, поскольку она послужила основой для работы по крайней мере над первой и самой важной книгой в серии русских сказочных повестей. Интересно, что эти два человека и их книги имеют много общего. Баум и Волков начали печататься, когда им было за сорок, причем произошло это почти случайно, поскольку у них были другие профессии. Оба имели талант к столярному делу и в свободное время сами мастерили мебель. Книги о стране Оз и о Волшебной стране гораздо лучше известны в США и в России, чем их создатели – Баум и Волков. Ни тот, ни другой не имели намерения сочинять продолжения своей сказки, но все-таки уступили настойчивым просьбам юных читателей. Оба автора написали много других книг для детей, но ни одна из них не обрела такой же популярности, как сказочные серии. Причем первые книги каждой серии оказались более популярными и имели большее влияние, чем последующие. Хотя эти сказки, без сомнения, обращены к детям и ни один из авторов не интересовался политикой, обе книги пытались интерпретировать и использовать в качестве политических и социальных комментариев, как в США, так и в СССР. Обе книжные серии сохранили популярность на долгие годы и нравятся и детям, и взрослым, это обеспечило им прочное положение в популярной культуре и породило продолжения, сиквелы и всевозможную торговую продукцию. Другими словами, обе серии стали исключительно прибыльными брендами, которые не теряют своей ценности и в XXI веке. Несмотря на эти очевидные признаки популярности, а возможно – именно из-за них, критики и ученые долгое время игнорировали книги Баума и Волкова или же оценивали их весьма невысоко, но в конце концов эти произведения все-таки стали предметом серьезного изучения. Обладающие важной культурной значимостью, но вызывающие подозрение у критиков, книги об Оз и Волшебной стране являются важным культурным явлением, а история их создания превосходит по увлекательности биографии самих создателей.

«Удивительный волшебник страны Оз» – один из самых узнаваемых национальных культурных символов Соединенных Штатов, используемый ныне в рекламе, поздравительных открытках, блогах, фильмах, телевизионных шоу, приложениях для смартфонов, прессе, комиксах, чатах, компьютерных играх и многом другом. Куда ни посмотри, в той или иной форме можно обнаружить аллюзию на эту сказку. Стоит упомянуть Изумрудный город, Трус-ливого Льва или Злую волшебницу Запада, и у каждого возникнет соответствующий образ. Но вот если спросить прохожих на улице, кто написал «Удивительного волшебника страны Оз», то можно получить в ответ недоуменный взгляд. Чаще всего люди, услышав название, вспоминают о мюзикле компании «Метро-Голдвин-Майер» (далее – «МГМ») «Волшебник страны

Оз» с Джуди Гарланд в главной роли. Фильм, вышедший на экраны в августе 1939 года, поначалу был принят не слишком хорошо, но когда в 1956 году, в столетний юбилей Баума, были проданы права на показ по телевидению, его стали ежегодно демонстрировать по всей Америке. Ныне он, конечно, доступен на DVD для круглогодичного просмотра по всему миру. В 2014 году, отмечая семидесятипятилетний юбилей фильма, кинокомпания «Уорнер бразерз» выпустила цифровую 3D-версию этого фильма для кинотеатров и специальный комплект из двух DVD для домашнего просмотра. В результате такой повсеместной популярности люди всех возрастов и национальностей с легкостью считывают аллюзии на жевунов, Тото и страну Оз, даже если и не знают, что все это придумал Баум в 1900 году для своей детской книги. Многие популярные цитаты пришли вовсе не из книги, а из фильма. Когда в 2013 году студия Уолта Диснея выпустила приквел Сэма Рэйми «Оз: Великий и Ужасный», мало кто из кинокритиков и еще меньше кинозрителей догадался, что история фарфоровой куклы заимствована из книги Баума; не знали они и того, что в 1892 году Баум работал коммивояжером и продавал фаянсовую посуду – вероятно, именно этот личный опыт побудил его написать главу «Страна хрупкого фарфора».

Несмотря на относительную безвестность Лаймена Фрэнка Баума, его знаменитая книга поставила свои собственные впечатляющие рекорды. До перехода в 1956 году в статус общественного достояния «Удивительный волшебник страны Оз» был продан в Америке тиражом в 2,8 миллиона экземпляров в твердой обложке (Hackett 1956, 65). Эта цифра не учитывает продажи за границей и публикации в других форматах, таких как адаптированные или популярные издания, книги в мягких обложках и книжки-игрушки. Суммарный тираж мог быть намного больше, но в годы Второй мировой войны из-за дефицита бумаги книжное производство не всегда могло удовлетворить спрос, особенно на детские книги (Hackett 1967, 2). Однако даже если судить лишь по объему продаж внутри страны, число экземпляров книг Баума значительно превосходит всю остальную детскую литературу первой половины XX века (Hackett 1956, 65). В США книга Баума никогда не исчезала с рынка и постоянно переиздавалась, хотя и была написана более ста лет назад.

Интерес к «Удивительному волшебнику страны Оз» за рубежом также поражает. В дополнение к продажам в Соединенных Штатах, издатель Ф. К. Рейли отправлял книги в Англию, Австралию, Японию, Индию, Южную Африку и другие страны (Reilly to F. McLearn, 3 November 1930, BP, SCRC-SU). Первая книга Баума была переведена почти на все языки мира – от арабского до узбекского. Выпущена она и шрифтом Брайля. В период с декабря 1903 по октябрь 1954 года продажи за рубежом составили 212 000 экземпляров (Bobbs-Merrill Co. Files, n. d., BP, SCRC-SUL). При этом надо учитывать, что количество изданий, проданных за рубежом, трудно поддается подсчету из-за разницы в законодательстве об авторском праве и практике переводов. Американские издатели нередко узнавали о зарубежных публикациях через довольно продолжительное время после их появления. Несмотря на неизбежные финансовые потери из-за подобных несанкционированных переводов, Баум очень радовался, узнавая о зарубежных изданиях, и в 1909 году с гордостью заметил: «Мои книги были переведены почти на все языки, включая японский; путешествуя за границей, я видел, как они нравятся детям – от Египта до Филиппин. Однажды мне рассказали, что видели мою книгу в одном доме в Гонконге, в Китае» (Kessler 1909, 62–63). К сожалению, Баум умер, не успев увидеть свои книги, изданные в Советском Союзе, где они также быстро полюбились детям.

Без сомнения, самое популярное и успешное зарубежное издание – знаменитая переработанная версия Александра Волкова – появилась в тот же год, что и фильм «Метро-Голдвин-Майер». В записях Волкова указывается, что в 1939 году было выпущено семь тиражей «Волшебника Изумрудного города», суммарно 239 000 экземпляров, а к 1963 году версия 1959 года была издана тиражом в 675 000 экземпляров (Галкина 2006, 265). Стоит ли удивляться, что с такими цифрами Волков чувствовал себя обязанным продолжить эту сказочную серию.

Первое продолжение – «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» – вышло тиражом в 300 000 экземпляров, который был распродан к концу года (Галкина 2006, 265). Поскольку в Советском Союзе не существовало свободного рынка, эти продажи отражают не реальный спрос, а только предложение; они также не отражают полной истории публикации, поскольку, как и многие другие произведения в Советском Союзе, в 1962 и 1963 годах. «Урфин Джюс» сначала печатался как сериал с продолжениями в двух советских газетах – еще до издания отдельной книгой в 1963 году. Такова была обычная издательская практика, и подобные предварительные публикации имели место в судьбе каждой книги Волкова, которые также переводились на десятки иностранных языков и издавались по всему СССР и за его пределами. Переводы первой книги Волкова и написанных им продолжений на английский стали появляться в США в 1960-е годы. Ситуация усложнилась, когда издатели в странах Восточного блока и в Азии начали публиковать тексты Волкова, используя заглавия Баума. В результате стало еще труднее определять, является подобная публикация переводом книги Баума или Волкова.

Популярность и новизна никогда не являлись определяющими факторами для публикации в Советском Союзе, где издательская практика оставалась под политическим контролем, реагируя на веяния времени и подвергаясь строгой цензуре. Книга Баума, как у себя на родине, так и за рубежом, была прочитана самыми разными способами и претерпела самые разные интерпретации. В Советском Союзе ее использовали для пропаганды холодной войны, чтобы показать бедность и отчаяние, царившие в Америке в начале XX века. Но поскольку на обложке стояло имя не Баума, а Волкова, книга теряла часть своего пропагандистского запала. То, что советский автор представляет Америку в столь мрачном свете, менее поразительно, чем если бы это делал американец. Тем не менее большая часть книг серии Волкова появилась в 1960–1970-е, в разгар холодной войны, когда напряжение между СССР и США было максимальным, так что политические соображения не могли не сказаться на этих публикациях. Время, пусть и иначе, в значительной степени повлияло и на судьбу американской серии. Поскольку книжные серии приобрели большую популярность, издатели спешили заработать на этой моде, так что Бауму приходилось писать чуть ли не по книге в год, и часто – к Рождеству. Это помогало поддерживать читательские ожидания. Но, хотя произведения обоих авторов полюбились миллионам читателей по всему миру, мало кому были известны удивительные судьбы их авторов и истории создания этих книг и их интерпретаций.

В США и в СССР детская литература оказалась в центре внимания благодаря потенциальной возможности формировать с ее помощью образ мыслей и транслировать ценности следующим поколениям. Соответственно, обе страны пытались придать историям о стране Оз национальные и политические смыслы, в том числе это касалось и зарубежных публикаций. В исследовании я показываю, как политизация книг о стране Оз во времена холодной войны отражала попытки Соединенных Штатов и Советского Союза упрочить свое культурное превосходство, что мешало рассматривать эти книги и их авторов в контексте детской литературы. Рассказ о жизни обоих писателей и критический анализ их произведений, содержащиеся в «Стране Оз за железным занавесом», позволят читателю наконец преодолеть искаженные представления об этих авторах и их творчестве – в большой степени благодаря обращению к внелитературным источникам. Более того, эта книга содержит очерк сложной и малоизвестной (на Западе) истории развития русской детской литературы, особенно практики заимствований и адаптаций западных произведений. Также в ней приводится подробный обзор современной все более многочисленной и влиятельной литературы фанфикшн, которая помогла историям о стране Оз сохранять актуальность на протяжении более чем ста лет.

Эта книга написана с целью изменить отношение как американцев, так и русских к литературной деятельности Баума и Волкова и выявить причину того колоссального влияния, которое сказка Баума имела во всем мире. Помещая свое исследование в контекст эволюции детского чтения в обеих странах, я объясняю, почему публикация книг о стране Оз в Америке и

за рубежом была смелым и значимым событием. В итоге я показываю, как эти произведения, вопреки многолетнему пренебрежению и игнорированию со стороны критиков, исследователей и библиотекарей, перестали считаться популярной литературой и перешли в разряд значимых культурных символов как в США, так и в Советском Союзе и России.

Чтобы понять творческие процессы и внелитературные мотивации Баума и Волкова, необходимо было изучить биографии обоих и обстоятельства, которые привели их в детскую литературу. Работая, я опиралась прежде всего на архивы, хранящиеся в Университете Сиракуз (США) и в Томском государственном педагогическом университете. Первые две главы представляют биографическую информацию о Л. Фрэнке Бауме и А. М. Волкове и показывают, как складывались их судьбы в конкретных исторических обстоятельствах. Я также пишу о том, что критики слишком поздно обратили внимание на этих двух литераторов, и это способствовало их относительной неизвестности.

Хотя в последние годы уже нет недостатка в жизнеописаниях Баума, он по-прежнему остается непонятым, поскольку старший сын после смерти отца попытался переписать его жизнь и тем самым повлиял на все последующие биографии. В своем изложении жизни и творчества Баума я старалась избегать слепого следования этой версии, опиралась на детали, которые отразились в книгах о стране Оз. Так, идиллическое благополучное детство, проведенное в окрестностях Сиракуз, штат Нью-Йорк, позволило ему в дальнейшем реализовать свои творческие замыслы и увлечения и помогло развить воображение и фантазию, ставшие важнейшими элементами книг о стране Оз.

Как и Баум, Волков при жизни почти не был замечен, и его полная биография еще не написана. Моя работа содержит подробный очерк его жизни и исторической эпохи и тем самым представляет писателя англоговорящей аудитории. С раннего детства в семье староверов и отрочества, проведенного в Казахстане, до учебы в Томске, а затем, по окончании университета, работы в Москве жизнь и литературное творчество Волкова определялись его педагогической деятельностью. Стремление учить и вдохновлять детей наиболее полно объясняет его подход к интерпретации истории Баума и созданию собственных продолжений серии о Волшебной стране.

В третьей главе я представляю более широкий контекст, необходимый для понимания истории публикаций книг обоих авторов и значения их произведений, с учетом педагогических и издательских практик в обеих странах. Определение наиболее важных тенденций и личностей, оказавших влияние на развитие детской литературы в обеих культурах, позволяет провести в третьей главе сравнительное изучение атмосферы и обстоятельств, в которых оба автора создавали свои книги, а также влияния традиций, которые помогли оформить их замыслы и определяли восприятие результатов. А самое важное заключается в том, что я прослеживаю и объясняю долгую традицию адаптаций западной литературы в России, оказавшую влияние на работу Волкова над текстом Баума. Понимание условий и обстоятельств, в которых эти авторы создавали свои книги, также помогает объяснить выдающиеся качества произведений и причины их многолетней популярности у детской аудитории, а также их резкое неприятие библиотекарями и исследователями.

Четвертая глава посвящена поразительной истории создания и публикации «Удивительного волшебника страны Оз» Баума и его продолжений в тех самых исторических обстоятельствах, о которых сообщалось в предыдущей главе. Баум писал свою книгу еще до появления издательств, специализирующихся на выпуске книг для детей, в ту пору, когда библиотекари строго контролировали детское чтение. Я убеждена, что это может служить объяснением той парадоксально низкой оценки, которую получили книги о стране Оз, несмотря на их невероятную популярность и постоянные переиздания. Более того, это также позволяет понять, почему сказки Баума преподносились как исконно американские. Также в этой главе я подробно рассматриваю работу иллюстраторов над книгами о стране Оз и показываю, как возникли широко

растиражированные образы всем известных персонажей, перекочевавшие со временем и в другие истории и жанры и в конце концов образовавшие знаменитую серию из сорока книг о стране Оз.

В пятой главе я подробно изучаю то, как Волкову удалось пробиться с «Волшебником» Баума в советскую детскую литературу в самое неподходящее для этого время. Я сравниваю две версии книги Волкова – 1939 и 1959 годов, – а также пишу о работе обоих иллюстраторов. Эта глава ясно показывает, как и почему Волков переработал книгу Баума. Я изучаю также важнейший вопрос: чем следует считать текст Волкова – переводом, адаптацией или переделкой, – рассматривая его работу в историческом контексте практики иностранных заимствований в советской детской литературе. Анализируя пять продолжений серии о Волшебной стране, я объясняю, как развивалась серия и как истории переходили в другие медиа, создавая параллельную Оз вселенную в Советском Союзе.

Говоря в шестой главе о парадоксальном приеме, который использовал Волков, я анализирую политический контекст, повлиявший на советизацию Волшебной страны в СССР, России и на Западе. Также эта глава посвящена переводам книг Волкова, включая и переводы на английский, когда история о Волшебной стране возвратилась в Соединенные Штаты. Чтобы объяснить юридические и этические аспекты этих транскультурных усилий, изучению также подвергаются сложные и болезненные аспекты авторского права и литература фан-фикшн. Я прослеживаю судьбу серии Волкова после смерти автора и изучаю, как и почему она продолжала развиваться и процветать не только в России, но и в Германии.

Заключая свою работу, я рассказываю о долгожданном появлении оригинальной сказки Баума о стране Оз в России, где спустя целое столетие она наконец была опубликована и продемонстрирована рядом с книгами Волкова, а также изучаю причины продолжающейся популярности книг обоих авторов в современном обществе и то, как эти книги стали узнаваемыми культурными маркерами и рекламными брендами в США, бывшем Советском Союзе и в России. Наконец, я обращаю внимание на вызывающее тревогу усиление в России государственного регулирования детской литературы и рассуждаю о том, как это может отразиться на отношении к Бауму и Волкову.

Рассказывая захватывающую, достоверную и до сих пор неизвестную историю, которая тянется от Новой Англии XVIII века до современной Сибири, эта книга представляет важный исторический и литературный контекст, в равной степени интересный исследователям и поклонникам, и позволяет понять и оценить по достоинству универсальную привлекательность «Удивительного волшебника страны Оз».

Глава 1

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОРИК СТРАНЫ ОЗ

Тот факт, что Лаймен Фрэнк Баум и Александр Мелентьевич Волков, несмотря на значительное противодействие, смогли создать произведения, которые продолжают жить и после их смерти, и по сей день оказывая влияние на культуры, в которых они были созданы, свидетельствует об огромном таланте и силе духа обоих писателей. Баума и Волкова разделяли многие мили и годы, и все-таки у них был схожий опыт становления в литературе и утверждения себя в качестве плодovitых детских писателей. На их судьбы повлияло удачное стечение обстоятельств, предоставившее каждому возможность встреч и общения с людьми, которые их вдохновляли, поддерживали и продвигали в начале писательской карьеры. Оба автора вошли в мир детской литературы в те времена, когда культуры, к которым они принадлежали, оказались готовы к восприятию новых творческих импульсов. И, несомненно, оба обладали живым воображением и талантом писать для детей увлекательно и живо, что также очень важно для успеха. И все-таки их дорога в литературу не была прямой и легкой: обоим пришлось преодолеть целый ряд препятствий, как возникавших в личной жизни, так и обусловленных временем и обществом, в котором каждый из них жил.

Если монографию о жизни Волкова еще предстоит написать, биографии Баума уже посвящено несколько книг. Но следует признать, что об этих авторах – как в книжных публикациях, так и особенно в интернете – сказано немало спорного и недостоверного. Я надеюсь, что исследование исторического прошлого и влияния, которое оказывалось на двух этих писателей, а также критический анализ того, что было о них написано, позволит мне представить более глубокий и достоверный контекст для понимания траектории их карьер и значения их творчества. Чтобы выяснить, почему сказка Баума имела столь долгую и продуктивную историю, и оценить ее значение для творчества Волкова в Советской России, я начну эту книгу с рассказа об удивительной жизни Лаймена Фрэнка Баума и его творческой карьере.

Первые попытки рассказать историю жизни Лаймена Фрэнка Баума

Книга «Удивительный волшебник страны Оз» была издана в 1900 году, но первая биография ее автора Л. Ф. Баума появилась лишь в 1961-м – через сорок с лишним лет после его смерти. До этого было опубликовано всего три небольших очерка, посвященных творчеству писателя, где вскользь упоминались отдельные наиболее яркие детали его жизни. Эти три публикации вышли уже после его смерти. Первая брошюра, «Американская утопия», написанная профессором английской кафедры Вашингтонского университета Эдвардом Вагенкнехтом и изданная в 1929 году, содержит самую раннюю научную информацию о биографии Баума. Коротко обрисовав жизнь и достижения писателя в одном длинном параграфе, Вагенкнехт переходит к обсуждению его произведений и называет Баума журналистом, издателем, драматургом, а также «плодовитым писателем, автором около пятидесяти книг, почти все из которых предназначались детям» (18). В 1934 году Джеймс Тербер опубликовал в «Нью репаблик» добродетельное, хотя и довольно поверхностное, хвалебное эссе, в котором в значительной степени опирался на работу Вагенкнехта. Тербер не приводит никаких новых деталей биографии Баума, но отмечает его тщетные попытки выйти за рамки серии о стране Оз (141–142). Баум умер в 1919 году; за свою жизнь он написал четырнадцать книг о стране Оз и почти две дюжины книг не о ней, кроме этого еще тридцать его книг вышли под шестью разными псевдонимами, а также он опубликовал десятки коротких рассказов. Однако несмотря на столь обширное литературное наследие, до начала 1950-х годов были опубликованы лишь два небольших очерка о жизни Баума. Так что можно смело сказать, что все эти годы никто не знал «Королевского историка страны Оз».

В 1957 году, почти шесть десятилетий спустя после публикации первой книги Баума о стране Оз, Мартин Гарднер и Рассел Б. Най подготовили объемный сборник «Волшебник страны Оз – кто он был такой?». В дополнение к новой, черно-белой версии первой сказки Баума о стране Оз в книгу вошел информационный очерк, написанный Гарднером, который пообещал «впервые изложить полную историю удивительной карьеры Баума» (Gardner and Nye 1994, 20). Во вступительном эссе «Королевский историк страны Оз» Гарднер наконец приводит обстоятельную и насыщенную важными деталями биографию Баума, а также пересказывает забавные случаи из его жизни и карьеры. В свою очередь статья, написанная Наем, стала первой попыткой серьезного критического анализа творчества Баума и его серии о стране Оз; исследователю удалось указать на сильные и слабые стороны творчества писателя. Анонимная рецензия в «Сэтэдей ревью трейд виндз» не без театрального пафоса анонсировала выход этой книги: «Кто пытался убить Волшебника страны Оз? Несколько лет мы подозревали об этом [заговоре], и вот теперь рады убедиться, что издательству Мичиганского университета удалось внести свой вклад в борьбу за освобождение Л. Фрэнка Баума из литературного рабства» (4 мая 1957, 4). Благодаря труду Гарднера и Най писатель, которого очень долго не замечали и игнорировали критики и ученые, наконец-то получил заслуженное внимание и уважение. К сожалению, Гарднер и Най использовали «многочисленные детали» о жизни Баума, которые они получили от его старшего сына Фрэнка Джослина (Gardner and Nye 1994, vii). Со временем эти сведения вызовут немало вопросов у исследователей биографии Баума.

За год до этого Фрэнк Джослин Баум обратился к Расселу П. Макфоллу, ночному редактору «Чикаго трибьюн», с предложением начать совместную работу над первой монографией о жизни отца. Будучи магистром английской филологии Чикагского университета, Макфолл за несколько лет до этого начал самостоятельное исследование биографии Л. Фрэнка Баума. Его работа привлекла внимание Фрэнка Джослина, который продолжил дело отца и в 1938 году написал сиквел серии о стране Оз – «Смеющийся дракон из страны Оз». Не сумев заин-

тересовать издателей отца – «Рейли и Ли», Фрэнк Джослин оформил копирайт на торговый знак со словом «Оз» и опубликовал свою книгу в издательстве «Уитман паблишинг компани» в городе Расине, штат Висконсин. Это был неоднозначный и затратный поступок, поскольку авторскими правами на произведения покойного мужа владела мать Фрэнка Джослина Мод; по договору с «Рейли и Ли» Мод давала разрешения на публикацию продолжений серии, написанных авторами, выбранными издательством. Возникший юридический спор привел к длительным разногласиям в семействе Баумов. Мод умерла в 1953 году. После смерти матери другие ее сыновья, осуждавшие поведение Фрэнка Джослина, не желали поддержать проекты брата. Тогда он решил заняться подготовкой биографии отца, опираясь лишь на собственные воспоминания и воображение.

Прежде чем обратиться к Макфоллу, Фрэнк Джослин попытался написать биографию отца самостоятельно. Однако первые рецензенты обнаружили в его рукописи множество предвзятых суждений и ошибок, и он не смог найти издателя для своей книги (BP, SCRC-SUL). Тогда он обратился к Джону Фредерику (Джеку) Сноу, газетному и радиожурналисту и сержанту в отставке. Еще живя в Апстейте на севере штата Нью-Йорк, Сноу начал брать интервью и собирать материалы для собственного исследования о Бауме. Сноу не только сам написал две книги для серии о стране Оз: «Волшебные мимики в стране Оз» (The Magical Mimics in Oz, 1946) и «Косматый человек из страны Оз» (Shaggy Man of Oz, 1949), но и подготовил справочник «Кто есть кто в стране Оз» (Who's Who in Oz, 1954), где опубликовал статьи о персонажах страны Оз и короткие биографии авторов и иллюстраторов серии. Фрэнк Джослин послал Джеку Сноу свою рукопись в 100 000 слов и предложил совместную работу – 50 на 50 – над будущей биографией, но Сноу ответил отказом. Вскоре Фрэнк Джослин узнал об исследованиях Макфолла и предложил ему сделку на тех же условиях, в надежде, что тот сумеет отредактировать рукопись и подготовить текст к печати (BP, SCRC-SUL). После короткой переписки Макфолл понял, что ему будет чрезвычайно трудно и почти невозможно продолжать собственную работу над биографией без поддержки Фрэнка Джослина, и согласился сотрудничать с ним в подготовке первой обширной биографии Л. Ф. Баума. Это произошло в конце августа 1956 года – ровно через сто лет после рождения писателя.

Совместная работа была долгой и трудной. Фрэнк Джослин отправил Макфоллу то, что уже подготовил. По воспоминаниям Макфолла, они «выбросили значительную часть написанного и начали заново» («Чикаго трибьюн». 12 октября 1961, 57). Первым делом Макфолл разослал десятки писем – всем, кто хотя бы отдаленно мог быть связан с Л. Фрэнком Баумом, а также городским чиновникам, историкам-краеоведам и газетчикам во все местах, где когда-либо проживало семейство Баумов. Этот кропотливый процесс позволил Макфоллу узнать множество деталей о семье Л. Фрэнка Баума и его детстве. Отсутствие публикаций способствовало возникновению многочисленных мифов о создателе страны Оз. Макфолл понимал, что проект «требует большой детективной работы» («Чикаго трибьюн». 12 октября 1961, 57). Он продолжал работать в газете и часто выделял для своих исследований ранние утренние часы, после того как свежий номер отправлялся в печать.

Фрэнк Джослин не только передал Макфоллу свою неопубликованную рукопись, но и посылал ему подробные письма, в которых излагал собственные воспоминания и рассказы, услышанные от других. Впрочем, он часто отдавал предпочтение не фактам, а вымыслу. В письмах декабря 1965 года Фрэнк Джослин постоянно предлагал Макфоллу расцветить биографию, не гнушаясь художественным вымыслом (F. J. Baum to MacFall 5 and 11 December 1956 BP6 SCRC-SUL). Пример того, на какие преувеличения он был способен, рассказывая об отце, можно найти в первом выпуске «Баум багл» от 1957 года – официального журнала Международного клуба Волшебника страны Оз.

Мой отец, создатель «Волшебника страны Оз», был высоким красивым мужчиной, который никогда не заглядывал на темную сторону жизни, ни разу

не сказал ни о ком дурного слова, никогда не сквернословил и не рассказывал грязных историй. Его солнечная натура, его лукавая улыбка и добрые искорки серых глаз, а также неистощимый оптимизм помогали всем, кто его знал, взглянуть на собственные беды по-новому и придавать им меньше значения (F. J. Baum 1957, 2).

Подобные воспоминания любящего сына, наполненные откровенным восхищением, подтверждают, что написанное Фрэнком Джослином об отце носит явный оттенок субъективной пристрастности.

Макфолл упорно продолжал свои кропотливые исследования и находил время записывать новые главы, которые затем посылал Фрэнку Джослину для оценки и комментариев. Редактура в переписке продолжалась вплоть до внезапной смерти Фрэнка Джослина в декабре 1959 года, он умер всего за два дня до своего семидесятипятилетия. Его жена Элизабет продолжила работу мужа и вместе с Макфоллом завершила редактирование. В 1961 году чикагское издательство «Рейли и Ли», выпускавшее книги Л. Фрэнка Баума, опубликовало их совместный труд: «Радовать ребенка: Биография Л. Фрэнка Баума, Королевского историка страны Оз, написанная в соавторстве Фрэнком Джослином Баумом и Расселом П. Макфоллом». Вопреки всем сложностям Баум и Макфолл в конечном счете написали подробное, тактичное, увлекательное, а местами даже захватывающее жизнеописание Лаймена Фрэнка Баума. Но все-таки остаются сомнения в достоверности некоторых фактов и многих анекдотов, справедливость которых невозможно проверить, в частности это касается детских воспоминаний самого Фрэнка Джослина.

Сын контролировал изложение биографии отца до конца своей жизни. За это время многие внушавшие доверие свидетели, знавшие писателя, умерли. А посему созданная в соавторстве с Макфоллом биография многие годы оставалась единственным доступным источником информации о Л. Фрэнке Бауме. Когда в 1970-х книгами Баума всерьез заинтересовались исследователи, за изучение жизни писателя взялось новое поколение биографов, и труд Баума – Макфолла, несмотря на молчаливое признание его сомнительной достоверности, стал для них основным источником. В результате неподтвержденные анекдоты и так называемые факты из жизни Баума воспроизводились снова и снова и переходили из одной публикации в другую. Сегодня существует множество биографий Баума, но большинство из них хотя бы отчасти основываются на первоначальных материалах, предоставленных Фрэнком Джослином и Расселом Макфоллом. Многие из того, что было опубликовано, закрепилось де-факто в результате многочисленных повторений, как истинная правда.

В коротком очерке жизни Баума, который я привожу ниже, я постаралась исключить внушающие сомнения анекдоты из биографии, написанной Баумом и Макфоллом, и опиралась лишь на задокументированные материалы из архива Л. Фрэнка Баума, в том числе – на письма, газетные вырезки, интервью и другие первоисточники. Оставив задачу создания подробного жизнеописания другим исследователям, я поставила себе целью на фоне минимального контекста, облегчающего понимание, лишь кратко представить людей и события, которые способствовали становлению Баума как детского писателя.

История семьи Баумов

Следы семьи Лаймена Фрэнка Баума прослеживаются вплоть до Священной Римской империи, к каковой принадлежала земля Гессен в Центральной Германии, с которой Баумы поддерживали связь на протяжении многих лет. Фамилия Баум означает по-немецки «дерево». В 1943 году, когда стало опасно признавать свое немецкое происхождение, жена Фрэнка Мод начала говорить, что их фамилия голландская и изначально перед ней стояло «фон» (BP, SCRC-SU). Количество подобных преданий и небылиц о семье Баумов постепенно увеличивалось, так что важно представить достоверные факты, опирающиеся на документальные источники, и не повторять мифы и домыслы. В семействе Баумов, помимо Фрэнка, были и другие поистине выдающиеся и влиятельные члены, которые, несомненно, помогли ему – если не идеями и достижениями, то хотя бы средствами и поддержкой.

В 1748 году Филипп Баум, прапрадедушка Л. Фрэнка Баума, поселился на ферме в долине реки Могаук, штат Нью-Йорк, недалеко от нынешнего города Канаджохари. Сын Филиппа Джон, родившийся в 1797 году, женился в 1818-м на Лени (Магдалене) Элвуд. У Джона и Лени было девять детей, восемь из которых дожили до совершеннолетия. Их старший сын Бенджамен Уорд, будущий отец Фрэнка, родился в 1821 году. По возрасту Бенджамен был ближе всего к младшему брату Лайману Сполдингу Бауму (1824–1877). Младшая сестра Бенджамена, Мэри Элизабет, вышла замуж за доктора Сильвануса Ханчетта. Мать восьмерых детей, шестеро из которых умерли в младенчестве, Мэри Элизабет окончила медицинский колледж в Женеве и стала одной из первых женщин-врачей в США. Младший брат Бенджамена, Адам Кларк Браун, выбрал ту же профессию. В 1862 году он поступил врачом в федеральную армию, и это навсегда изменило его жизнь. Джон и Лени умерли в 1856 году с разницей в два дня, за два года до рождения своего внука Лаймена Фрэнка. Выжившие братья и сестры поддерживали тесные связи, они селились по соседству и помогали друг другу в случае болезней или другой нужды. Разросшийся клан любящих родственников впоследствии будет не раз помогать Л. Фрэнку Бауму, в том числе и финансово.

В молодости отец Баума, Бенджамен Уорд Баум, учился на бондаря – профессия весьма востребованная в те годы в регионе Апстейт штата Нью-Йорк. В 1825 году был открыт канал Эри, и появилась возможность быстро и недорого переправлять партии товаров, сложенные в бочки, со Среднего Запада и Великих озер на Гудзон и далее в порт Нью-Йорка. На берегах канала возникали города и поселки, их население росло. Бенджамен нашел работу в Нью-Вудстоке и там же познакомился с Синтией «Синти» Энн Стэнтон (1820–1905), дочерью Оливера Стэнтона, богатого фермера из Каценовии. Шотландско-ирландский род Стэнтонов прослеживался до Томаса Стэнтона – одного из основателей Стонингтона, штат Коннектикут (Housk 1980, BP, SCRC-SUL). Бенджамен и Синтия сбежали и 10 марта 1842 года поженились в Дельфи-Фолс – ныне пригороде Помпей в округе Онондага штата Нью-Йорк. Они начали свою семейную жизнь на ферме на Фолс-роуд к югу от Читтенанго – поселка, расположенного в шестнадцати милях к западу от Сиракуз. Дом не сохранился, но в центре городка на углу Арчстрит есть памятный знак, сообщающий: «Здесь родился Л. Фрэнк Баум, автор „Волшебника страны Оз“». С 1979 года в Читтенанго в честь знаменитого земляка проводят ежегодный карнавал «Оз-Страваганца». Праздник длится три дня и проходит на главных улицах, где расположены магазины и рестораны, которые посвящены теме страны Оз: «Домик тетюшки Эм», магазинчик «За радугой», строительная фирма «Жестяной Дровосек», гриль-бар «Изумрудный город», боулинг с тем же названием и пр. В 2015 году индейское племя онейда открыло казино «Дорога из желтого кирпича» стоимостью 20 миллионов долларов и площадью более 6 тысяч квадратных метров. Оно располагалось в торговом центре «Изумрудный город» в Чит-

тенанго. Есть там и другие организации, связанные со страной Оз, – бар «Летучие обезьяны» и салун «Сердце и Смелость».

Бенджамен оказался трудолюбивым и предприимчивым бизнесменом. К моменту рождения Фрэнка его отец и дядя Лаймен уже владели собственной компанией по производству деревянных бочек. В 1859 году, когда Фрэнку исполнилось три, к югу от Титусвилла, штат Пенсильвания, в 260 милях на юго-восток от Сиракуз, была пробурена шахта Дрейка – одна из первых в мире коммерческих нефтяных шахт. Не теряя времени, Бенджамен отправился на юг и дальновидно инвестировал в только что открытые нефтяные разработки в северо-западной Пенсильвании. Он получил солидный доход, который реинвестировал: купил землю, построил оперный театр и биржу. Он также стал президентом Второго национального банка Сиракуз и вместе с мужем старшей дочери В. Г. Нилом открыл бакалейную лавку «Нил, Баум & Ко». Очень быстро Баумы стали одним из богатейших семейств в центральном Нью-Йорке. Таким образом, Бенджамен показал себя как отличный муж, способный не только обеспечить свою семью, но и вывести ее из грязи в князи.

Бюллетень Исторического общества округа Онондага (апрель 1957 года) отмечает, что семья Бенджамена Баума переехала в городок Сиракузы в начале 1860-х и приобрела дом № 1 по Раст-стрит (ныне – Мидленд-авеню). В 1866 году Бенджамен купил к северу от города большой дом, который стал семейным поместьем, известным как «Розовый Луг», оно протянулось на полмили вдоль дороги Брюертон-Планк, первой дощатой дороги в Америке, построенной в 1846 году («Odondaga Historical Society Bulletin» April 1957, BP, SCRC-SUL). На отрезке дороги длиной в четыре мили располагались четверо таможенных ворот, и дом Баумов был возле первых. Джордж Геддес, местный фермер, побывал в Торонто и осмотрел тамошние дощатые дороги, а затем предложил построить Брюертон-роуд, чтобы перевозить соль из местных солеварен в Сиракузы, где ее грузили на баржи и сплавляли по каналу Эри (Majewski, Baer, Klein 1993, 7). Отец Фрэнка позднее купил участок в двести акров напротив поместья и стал разводить коров джерсийской породы, скаковых лошадей и цыплят. Семья наконец зажила в стабильном достатке.

В 1873 году произошел обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже. Возникшая паника вызвала эффект домино, который затронул все отрасли промышленности и торговли, американская экономика на пять лет погрузилась в депрессию. На следующий год закрылся Второй национальный банк Бенджамена в Сиракузах, финансовое положение Баумов пошатнулось, это заставило их выставить «Розовый Луг» на продажу. Но покупателей не нашлось. В 1880 году поместье было продано с аукциона, на котором семья смогла выкупить лишь дом и три акра прилегающей земли, остальные угодья перешли Краусам – еще одной богатой и влиятельной семье из Сиракуз, которая с успехом вела торговлю бакалеей. Это решение позволило Баумам остаться в своем поместье еще на полдюжины лет, пока судьба не нанесла им следующий удар.

В «Сиракуз геральд» от 19 октября 1885 года сообщается о несчастном случае: Бенджамена Баума выбросило из повозки, когда лошадь понесла. Отец Фрэнка ударился о коновязь и получил серьезную травму головы, от которой так никогда и не оправился, хотя и ездил в Германию для дополнительного лечения. Отбывая за границу, он передал все дела одному из своих братьев, а когда вернулся, оказалось, что большая часть собственности утрачена. Бенджамен умер в 1887 году в возрасте 66 лет. Несколько месяцев спустя Синтия Баум продала «Розовый Луг». Она переселилась на соседнюю ферму на Бейли-роуд и жила там до тех пор, пока не переехала к своему младшему сыну Генри Клею. Синтия умерла в 1905 году в возрасте 85 лет. «Розовый Луг», проданный изначально Джорджу Н. Краусу, потом стал рестораном и боулинг-клубом, а в шести комнатах наверху поселилась семья Гатто, владельцы ресторана. «Сиракуз геральд» от 15 октября 1957 года сообщает, что дом сильно пострадал во время пожара. В 1963 году на бывших землях Баумов прямо за Кирш-драйв (ныне 2299 по Брюертон-роуд) открыли площадку для катания на роликах. Здание снесли в 2015 году, и имущество

выставили на торги. Ныне вдоль четырехполосной Брюертон-роуд расположились магазины и сетевые рестораны, но сохранилась и небольшая – в семь миль – полоска исторического леса. Она называется «Мемориальная дубовая роща Волшебника страны Оз». Здесь можно прогуляться под сенью красных, белых и черных дубов, красных кленов, черных лесных нисс, берез и сассафрасов, некоторые деревья растут еще с 1820–1830-х годов на землях поместья, где Баум провел детство. Гигантский красный дуб родом из 1860-х, что в юго-западном углу мемориального парка, теперь считается посвящением Л. Фрэнку Бауму. А белый дуб по соседству растет с 1820 года и хранит память о знаменитой теще Баума Матильде Гейдж. К сожалению, этот чудесный уголок известен мало, и в наши дни только местные жители ходят лесными тропами, выгуливая собак, катаясь на велосипедах и наблюдая за птицами.

Детство и юность в Сиракузах

Четверо детей Бенджамена и Синтии Баум умерли от болезней, но остальные пятеро выжили. Старшая дочь Гарриет Альвина родилась в 1846 году и в 1865-м вышла замуж за В. Г. Нила, успешного чиновника налогового ведомства. В 1867 году у них родился сын Джозеф Уорд, а в 1869-м – дочь Гарриет Мей. Мэри Луиза, вторая по старшинству выжившая дочь, родилась в 1848 году. Она вышла замуж за Генри Д. Брюстера, бизнесмена, который в разные годы работал государственным налоговым экспертом в Нью-Йорке. В 1874 году он также возглавлял добровольную пожарную дружину штата. У Брюстеров было четверо детей: Генри Баум родился в 1875 году, Мэри Луиза в 1877-м, Бенджамен Нил в 1879-м и Миртл в 1888-м. Старший сын Бенджамена и Синтии – Бенджамен Уильям младший – родился в 1850 году, и в 1870-м он отправился учиться в Германию, где через десять лет женился в Берлине на молодой немке Аугусте Марии Кригер. Бенджамен стал химиком и работал в семейном бизнесе по производству смазочных масел. Он умер, когда ему не было и сорока. Младший выживший сын Бенджамена – Генри Клей – родился в 1859 году, он изучал медицину в Мичиганском университете и в Гейдельберге в Германии. Окончив учебу в 1883-м, он стал дерматологом и одним из первых начал использовать рентгеновские лучи для лечения кожных болезней. В 1907 году Генри женился на Элизабет Даттан, дочери немецкого лютеранского священника Германа Густава и Луизы Гроссе Даттан. Генри умер в 1916 году. У пары родилось двое детей. Дочь Элизабет умерла в детстве, но Синтия Луиза Даттан Баум Тассини дожила до глубокой старости и в 2005 в возрасте девяноста пяти лет скончалась в Ямесвилле неподалеку от Сиракуз.

Лаймен Фрэнк, средний сын Бенджамена и Синтии, родился 15 мая 1856 года в Читтенанго, штат Нью-Йорк. Имя Лаймен он получил в честь брата своего отца. Он не любил свое первое имя и настаивал на том, чтобы его называли вторым, особенно с тех пор, как начал писать детские книги. За месяц до рождения Фрэнка умер от дифтерии его старший брат Эдвин Клей, которому было всего два с половиной года, поэтому родители окружали новорожденного особой заботой. В это время школьное образование в Америке еще не было обязательным: данные на 1840 год свидетельствуют о том, что лишь около 55 процентов детей в возрасте от пяти до пятнадцати лет посещали начальную школу и «академии», предлагавшие среднее образование. Как и его братья и сестры, Фрэнк до двенадцати лет получал домашнее образование, а затем родители отправили мальчика в Пикскиллскую военную академию, которая располагалась на реке Гудзон в округе Вестчестер. Он пробыл в строгой армейской среде всего два года, а потом вернулся домой в «Розовый Луг».

В четырнадцать лет Фрэнк убедил отца уступить его новому увлечению и купить маленький печатный пресс. Фрэнк и Генри, любимый младший брат, начали издавать небольшую ежемесячную газету «Домашний журнал Розового Луга». В номере от 20 ноября 1870 года были напечатаны стихи, объявления, головоломки, эпитафии и письма (BP, SCRC-SUL). В 1872 году Фрэнк увлекся коллекционированием марок и начал вести второй самодельный журнал «Коллекционер марок». Финансовый кризис, или Паника 1873 года, привел к краху нескольких банков и железнодорожных компаний, заморозке строительства и сокращению зарплат, а также приостановил работу маслоочистительной фабрики Баумов. Семья потеряла значительную часть сбережений, накопленных за успешные годы. Золотое уютное детство Фрэнка внешне закончилось: Паника вынудила его искать работу, что было непросто в условиях все более нестабильной экономики.

Фрэнк, единственный в семье, долго, до 26 лет, не мог определиться с выбором профессии и спутницы жизни. Он пробовал то одно дело, то другое и постоянно искал способ быстрого успеха и мгновенного обогащения. В 18–19 лет Фрэнк работал в бакалейной лавке «Нил,

Баум & Ко» на Клинтон-стрит в Сиракузах. Он также проявил интерес к разведению декоративной домашней птицы (популярное увлечение тех лет) и занялся гамбургскими цыплятами – миниатюрной породой кур, изначально импортировавшейся из Германии. Баум показывал своих птиц на местных ярмарках и получал призы, так что вскоре приобрел известность как эксперт в разведении этой породы. Со временем он даже был избран в исполком Американской ассоциации куроводов и начал вести новый журнал «Палтри рекорд» («Птицеводство»), который, впрочем, просуществовал недолго. Свой собственный опыт Баум изложил в пространной статье, которую Х. Х. Стоддард, издатель из Хартфорда, штат Коннектикут, выпустил брошюрой в семьдесят страниц под названием «Книга о гамбургских курах: короткое руководство по разведению, уходу и реализации различных видов гамбургских кур»¹. Это раннее увлечение Баума годы спустя найдет отражение в его литературных произведениях.

Воодушевленный опытом своей тети Кейт (Катерина Аделла Баум) и дяди Адама Кларка, игравших на любительской сцене в местном самодеятельном театре, а также собственной любовью к театру, Фрэнк вскоре забросил кур и всецело отдался театру. В 1881 году он начал играть в маленьких местных театрах в северной Пенсильвании. Его отец в эти годы искал варианты вложений в недвижимость и, желая дать сыну более надежный источник дохода, построил оперный театр в небольшом городке Ричбург на юге штата Нью-Йорк. Благодаря нефтяной лихорадке население таких маленьких городов быстро увеличивалось, и жители испытывали нехватку качественных развлечений. К сожалению, театр сгорел всего через несколько месяцев после постройки. Не зная, чем себя занять после этой потери, Фрэнк Баум начал писать пьесу, которая и в 1882 году принесла ему первый успех. «Дева Аррана, идилическая ирландская драма, написанная для всех людей, без различия классов и национальностей» была переработкой рассказа шотландского новеллиста Уильяма Блейка «Принцесса Туле». Действуя под псевдонимом Луис Фрэнк Баум, он сам поставил спектакль и сыграл в этой мелодраме, премьера которой состоялась в Гранд-Опера-хаус 15 мая 1882 года, в день рождения Фрэнка. Постановка имела успех: в 1882–1883 годах Баум гастролировал с ней в разных городах, в том числе в Рочестере, Торонто, Коламбусе, Чикаго, Милуоки, Индианаполисе и Нью-Йорке. В результате Баум в двадцать шесть лет решил, что нашел свое призвание.

Примерно в это же время Франк встретил двадцатилетнюю студентку Корнеллского университета Мод Гейдж (1861–1953), соседку по комнате его кузины Джози (Джозефины), дочери Адама Кларка Брауна. Они познакомились накануне Рождества 1881 года в доме его сестры Гарриет в Сиракузах и поженились год спустя в ноябре 1882 в доме Гейджей на Ист-Гиниз-стрит в Файетвилле – поселке, расположенном на полпути между Читтенанго и Сиракузами. Мод была умная, решительная и практичная девушка, что удачно уравновешивало беззаботность и веселый нрав Фрэнка. На протяжении следующих семидесяти трех лет Мод была отличной спутницей жизни, она умело управляла и домом, и делами Фрэнка, тем самым давая ему время на творчество.

Историю семьи Гейджей можно проследить до Ричарда Уоррена, приплывшего в Америку на корабле «Мейфлауер». Отец Мод, Генри Хилл Гейдж (1818–1884), торговал бакалеей, а также владел баржами на канале Эри. В 1850-е поселок Файеттвилл был оживленной пристанью, служившей для перевозки сельскохозяйственной продукции по всему округу. Мать Мод, Матильда Электра Джослин Гейдж (1826–1898), была убежденной суфражисткой, борцом за гражданские права, редактором и писателем. Она выросла в городке Сисеро к северу от Сиракуз, дом ее отца доктора Джослина служил одной из станций Подземной железной дороги и укрывал беглых рабов. С 1848 по 1861 год вместе с Элизабет Кэди Стэнтон, Сьюзан Б. Энтони и Идой Хастед Харпер девушка издавала шеститомную «Историю движения суфражисток».

¹ Stoddard H. H. The Book of the Hamburgs: A Brief Treatise upon the Mating, Rearing, and Management of the Different Varieties of Hamburgs.

В 1893 году она опубликовала собственное историческое исследование «Женщина, церковь и государство», в котором утверждала, что на протяжении двух тысячелетий мизогиния и христианство препятствовали развитию женщин. Ныне дом Матильды Джослин Гейдж (210 по Ист-Гиниз-стрит в Файетвилле) восстановлен обществом ее имени, которое продолжает пропаганду ее идей.

В дополнение к своей плодотворной карьере реформатора Матильда родила пятерых детей, четверо из них выжили. Мод, которую Матильда родила в тридцать пять, была любимцей, и мать предполагала, что дочь, так же как и ее старший брат Томас Кларксон, окончит Корнеллский университет. В те годы университетское образование у женщин было редкостью. Из 131 студента, которых приняли на первый курс, было лишь девятнадцать девушек, и Мод оказалась в их числе. Так что, когда дочь объявила, что оставляет учебу и выходит замуж за актера, родителей это не обрадовало. Но им пришлось уступить, поскольку Мод пригрозила им, что сбежит с женихом. Как поборница прав женщин, Матильда не могла отказать дочери в праве на собственный выбор. После смерти мужа Матильда, начиная с 1888 года, проводила зимы в доме Фрэнка и Мод. Она познакомила зятя с теософией, открыла глаза на проблему женского равноправия, поведала о преследованиях, которым подвергается со стороны официальной религии, а также делилась с ним актуальными либеральными идеями того времени. Согласно семейным преданиям, именно она убедила Фрэнка записать истории, которые он рассказывал сыновьям, и тем самым подтолкнула его стать детским писателем. Но это произойдет лишь спустя еще десять с лишним лет.

Семья и поиски карьеры

Л. Фрэнк Баум любил театр и после успеха «Девы Аррана» решил, что нашел свое призвание. Но когда начали рождаться дети, жить в постоянных разъездах стало невозможно. Проведя в гастрольях почти год, в 1883 году Фрэнк и Мод вернулись в Сиракузы в дом № 8 на Шон-нард-стрит, где 8 декабря родился их первенец Фрэнк Джослин. Баум продолжал писать пьесы и играть в местных театрах, но главным источником дохода теперь стало участие в семейном бизнесе по торговле смазочными маслами. В 1884 году Фрэнк и его дядя Адам Кларк открыли в Сиракузах магазин «Касториновая компания Баумов» и начали торговать высококачественной смазкой для осей, изобретенной Бенджаменом, старшим братом – химиком, недавно вернувшимся из Германии. В магазине, который изначально располагался на Ист-Уотер-стрит, потом был перенесен на Джеймс-стрит, а затем – на Волтон-стрит, Фрэнк работал управляющим и коммивояжером с 1884 по 1888 годы (Thompson 2006, 14). Это было нелегкое время для семейства Баумов.

В 1885 году отец Фрэнка Бенджамен в результате несчастного случая получил серьезную травму и так никогда уже полностью не поправился. Когда спустя два года он умер, семья потеряла не только главу семьи, но и основной источник дохода и стабильности. За год до этого от пневмонии скончался старший брат Фрэнка Бенджамен Уильям. Первого февраля 1886 года, за несколько недель до его смерти, Мод родила второго сына Роберта Стэнтона. Событие, которое должно было принести радость, обернулось трагедией: Мод заболела перитонитом и вынуждена была несколько месяцев пролежать в постели. В 1888 году семейный бизнес «Касториновая компания Баумов» разорился, и его пришлось продать другой известной местной семье – Маркусу и Ховарду Стоддардам. Баум снова лишился работы. Получив письма поддержки от братьев и сестер Мод, живших на Западе, Фрэнк, который уже навещал родственников в Абердине, пока торговал касторином, решился на переезд.

Как и многие американцы в те годы, Баум перевез свою семью в Южную Дакоту в надежде найти там более благоприятные условия. Город Абердин, где жили родственники его жены, был основан совсем недавно – в 1881 году. Фрэнк, Мод и двое их сыновей прибыли туда в конце сентября 1888-го. Вскоре Фрэнк открыл магазин «Базар Баумов», где продавал керамическую посуду, лампы, плетеную мебель, изделия из кожи, игрушки, безделушки из Японии и другие новомодные товары. Реклама в «Абердин дейли ньюс» от 22 августа 1888 года сообщала, что любая леди, посетившая открытие магазина, получит бесплатную коробку «знаменитой чикагской карамели Гатнера». Впоследствии газета написала, что на открытие пришла тысяча человек (Gage 1966, 8). Семнадцатого декабря 1889 года в доме на Девятой авеню Мод родила третьего сына Гарри Нила. Осенью того же года земли Дакоты разделились на два штата – Северную и Южную Дакоту, и дела стали налаживаться. Но вскоре засуха, неурожай и падение цен на зерно привели к тому, что экономика Абердина пошатнулась и жители стали уезжать в поисках лучших перспектив. У оставшихся горожан не хватало денег на безделушки Баума, и в 1890 году банк лишил владельца права выкупа магазина.

Фрэнк снова обратился к журналистике, своему прежнему увлечению. Он купил еженедельную газету, которую переименовал в «Абердин сатэдей пайонир». Баум целиком отдался новому начинанию. Каждый номер имел от восьми до двенадцати страниц и включал местные новости и обсуждение многочисленных актуальных тем, в том числе таких, как равноправие женщин, гражданские права и спиритуализм. Фрэнк позаимствовал один популярный прием у Бена Франклина, который в 1722 году опубликовал серию сатирических писем-рассуждений, написанных от лица престарелой вдовы миссис Сайленс Догвуд. Баум в свою очередь завел колонку «Наша хозяйка», которую вел от имени некой миссис Билкинс, вдовы и владелицы вымышленного пансиона, выражавшей резкие и остроумные, но порой невежественные

и сомнительные мнения о текущих событиях, а также пересказывавшей городские сплетни. Всего Баум подготовил более пятидесяти таких колонок, в этих публикациях проявились его чувство юмора и богатое воображение. Однако несмотря на все старания и упорный труд тираж газеты едва достигал четырнадцати сотен экземпляров. Через два года Баум был вынужден продать ее, поскольку перенапряжение и стресс начали сказываться на его здоровье. С февраля по апрель 1891 года он публиковал сообщения о своем ухудшающемся здоровье на все уменьшающихся в размере страницах газеты. Перед тем как Баумы уехали из Абердина в Чикаго, 24 марта 1891 года у них родился еще один сын – Кеннет Гейдж, это произошло в шестьдесят пятый день рождения Матильды Джослин Гейдж.

Между 1880 и 1900 годами население Америки увеличилось с пятидесяти до семидесяти пяти миллионов. За эти двадцать лет Америка не только видела внушающее восхищение строительство Бруклинского моста, возведение Монумента Вашингтону и создание метро в Бостоне, но и стала свидетелем резни у Вундед-Ни и Испано-американской войны. Как и судьбы большинства американцев в те годы, судьба Баума была тесно связана с событиями в обществе, в котором он жил. Хотя Роджер Сейл и описывает перипетии Баума как «простую и естественную жизнь в духе Америки Хорейшо Эджера»², одобренную для равновесия изрядной порцией Вилли Ломана³, жизнь с постоянной сменой работы и нестабильным финансовым положением была вполне типичной для американца конца XIX века, не закончившего университет (Sale 1972–1973, 571). Фрэнк Баум родился в годы президентства Линкольна и Гражданской войны, вырос в эпоху Восстановления и «большой нефти», но потом ему пришлось пережить Панику 1873-го, которая уничтожила состояние отца и лишила семью финансовой стабильности. Уже взрослым Баум стал свидетелем изобретения Эдисоном электрической лампочки и основания компании «Дженерал Электрик», а также Паники 1893-го, которая снова погрузила страну в глубокую депрессию, когда лопались банки и разорялись компании. И все-таки для тех, кто в 1890-е оказался в Чикаго, это было удивительное десятилетие. Население увеличилось на шестьсот тысяч человек и достигло к 1900 году 1,7 миллиона, так что Чикаго стал пятым или шестым по величине городом мира, привлекавшим тех, кто искал новых путей в рекламе, архитектуре, искусстве, журналистике и т. п.

В 1893 году Чикаго выиграл у Нью-Йорка, Вашингтона и Сент-Луиса право принимать Всемирную Колумбову выставку (ее также называют Всемирной чикагской выставкой), которая была посвящена 400-летию открытия Америки. Это важное общественное и культурное событие оказало значительное влияние на архитектуру, искусство, науку и технику. На площади в шестьсот акров разместились двести павильонов, экспозиции которых представляли жизнь и культуру народов сорока шести стран. Размах и великолепие Всемирной чикагской выставки во много раз превосходили все предшествующие. Она стала символом американской мощи, гордости, уверенности в завтрашнем дне и собственных силах. За шесть месяцев ее посетило двадцать семь миллионов зрителей, в числе которых был и Л. Фрэнк Баум с семьей. Ярмарка, демонстрировавшая как открытия в науке и технике, так и полет фантазии и творческие достижения, произвела неизгладимое впечатление на Фрэнка, раскрыв перед ним величие американского духа, готового воспринять неизведанные возможности стремительно приближавшегося нового века.

Бауму, у которого подрастали четверо сыновей, был необходим стабильный надежный доход. В 1881 году он стал коммивояжером в большой торговой фирме «Питкин и Брукс», располагавшейся в Чикаго. Оставляя семью, он месяцами колесил по дорогам страны, таская сундуки с фаянсовой посудой, которую продавал по всему Среднему Западу. А когда возвра-

² Американский писатель, поэт, журналист и священник, один из самых плодовитых американских литераторов XIX века. – *Примеч. пер.*

³ Персонаж пьесы Артура Миллера «Смерть коммивояжера» – типичный американский обыватель. – *Примеч. пер.*

щался домой, то часами развлекал сыновей рассказами о своих путешествиях или вымышленными историями, сочинять которые помогало ему богатое воображение. Генри Нил вспоминал: «Он читал детям „Сказки Матушки Гусыни“, когда они принимались расспрашивать его о логических несоответствиях в этих историях, мигом придумывал разные фантастические версии, чтобы объяснить, как корова смогла перепрыгнуть через луну или как дроздам удалось целыми и невредимыми вылететь из испеченного пирога. Теща, которая жила вместе с ними, посоветовала ему опубликовать эти рассказы» (Haas 1965, 3). Когда Фрэнк записал эти истории, их набралось на целую книгу, так появились «Сказки Матушки Гусыни в прозе» – первая детская книга Баума. Она вышла в 1897 году с иллюстрациями Максфилда Пэрриша. Эта книга предлагает предысторию событий, о которых рассказывается в знаменитых сказках. Например, «Песенка о шести пенсах» рассказывает о том, как юный сирота благодаря своей смекалке и всего-навсего шести пенсам выбился из нищеты и зажил в достатке, продав дроздов в обмен на службу при королевском дворе. Баум послал книгу своей сестре Мэри Луизе Брюстер со следующей надписью:

В молодости я мечтал написать великий роман, который бы принес мне славу. Теперь, когда я уже не молод, я написал свою первую книгу, чтобы позабавить детей. Потому что, помимо осознания моей очевидной неспособности совершить нечто «великое», я научился относиться к славе, как к блуждающему огоньку, который, если его поймать, не стоит обладания, а вот порадовать детей так приятно – это согревает душу и само по себе является наградой. Надеюсь, моя книга понравится детям, другого успеха мне не надо. Мы с тобой получили в наследство схожие характеры и литературные вкусы, и я знаю, что ты не отнесешься с пренебрежением к этим простеньким сказочкам, но поймешь меня и ответишь мне своей полным одобрением (BP, SCRC-SUL).

Хотя родителям понравились иллюстрации в книге, у детей она интереса не вызвала. После того как в 1898 году издатель продал свой убыточный бизнес, книгу печатать перестали (Hearn 2000, xxvii). Однако очередная неудача не привела Баума в отчаяние, он не утратил надежды и продолжал уверенно смотреть в будущее.

Прежде чем приступить к сочинению своей самой знаменитой книги, Баум предпринял попытку издания еще одного журнала, отражавшего его опыт работы в розничной торговле. Он убедил редактора из издательства «Уэй энд Уильямс», которое опубликовало «Матушку Гусыню в прозе», начать выпуск журнала об оформлении витрин. И в 1897 году ежемесячное издание «Шоу в витрине» появилось в Нью-Йорке и Чикаго. Заявленный как «официальный орган Национальной ассоциации американских оформителей витрин», журнал предлагал идеи и варианты сюжетных композиций – новшество, которое в то время начинали использовать оформители. С появлением больших универмагов, таких как «Маршалл филдз» в Чикаго и «Лорд энд Тейлор» и «Мейсиз» в Нью-Йорке, концепция шоппинга ради удовольствия становилась все более популярной. Дела у журнала шли неплохо; он приносил постоянный доход, и это позволило Бауму отказаться от разъездной работы коммивояжера.

В конце 1898 года в Пресс-клубе Чикаго Баум познакомился с иллюстратором Уильямом Уолласом Денслоу. Несмотря на разницу в характерах и происхождении, мужчины сдружились и вскоре начали сотрудничать. В тот год Баум решил на собственные средства издать иллюстрированную детскую книгу «В блеске канделябров». Денслоу стал одним из иллюстраторов этой книги. В сентябре 1899 Баум опубликовал сборник стихов для детей «Книга Папаши Гуся» с цветными иллюстрациями Денслоу. В предисловии объяснялось: «Эти новые песенки с картинками для сегодняшних детей призваны дополнить стихи и прибаутки наших предков» (L. F. Baum 1989). В книгу вошли семьдесят два коротких стихотворения на повседневные темы.

Героями были уже знакомые персонажи – как в этой простенькой песенке, события которой происходят в родном городе Баума:

Жил в Сиракузах Гусь,
очень веселый.
Он повстречал Клоуна,
купил его костюм
и решил сам стать клоуном.
Но его шутки
не смешили детей.
Зато, когда Клоун
танцевал вразвалочку,
они смеялись:
так он был похож на Гуся!

Эта книга отражает давнюю любовь Баума к поэзии нонсенса, но в ней также отразились предрассудки и стереотипы того времени, например, в изображении китайцев, афроамериканцев, коренных народов Америки и ирландцев. Денслоу сделал иллюстрации, а Ральф Флетчер Сеймур и Чарльз Костелло записали стихи рукописным шрифтом, что превратило каждую страницу в «миниатюрный художественный плакат» (Hearn 2000, xxxii). Но в 1898 году автору и иллюстратору пришлось искать нового издателя, поскольку издательство «Уэй энд Уильямс» закрылось. Компания «Джордж М. Хилл» была готова выпустить в свет книгу при условии, что Баум и Денслоу оплатят расходы на цветную печать. Партнеры согласились, поскольку это позволяло им получить полноцветное издание. Несколько тиражей были быстро распроданы. В 1900 году «Папаша Гусь» стал одной из самых продаваемых детских книг, причем только за один день в канун Рождества было куплено четыре тысячи экземпляров (Hearn 1999, 53). Этот успех распахнул перед Баумом двери в детскую литературу. В конце 1899 года он подписал контракт на следующую книгу для детей, которой суждено было его прославить и оказать влияние на детскую литературу. В возрасте сорока трех лет Баум наконец нашел дело всей своей жизни. Это случилось в тот момент, когда детская литература в Соединенных Штатах переживала подъем и была готова к новым голосам и тенденциям.

Другие имена, другие книги

Очевидно, Баум изначально не предполагал, что «Удивительный волшебник страны Оз» превратится в сериал. Но теперь, почувствовав себя успешным детским писателем, он принялся реализовывать новые замыслы и активно писать, публикуя нередко по несколько книг за год. Только в 1900 году, помимо «Волшебника», Баум издал еще три детские книги: сборники стихов «Армейский алфавит» и «Флотский алфавит» и прозаический сборник «Новая волшебная страна», в который вошло четырнадцать рассказов, объединенных общими персонажами. Он был написан еще в 1896-м и изначально назывался «Приключения в Шмехляндии», а при переиздании в 1903 году название было изменено на «Волшебный монарх Мо». В 1906 и 1907 годах Баум публиковал по шесть книг в год, и это при том, что в 1906-м они с женой совершили кругосветное путешествие, продолжавшееся около пяти месяцев, во время которого посетили Италию, Швейцарию, Францию и Египет. Но Баум не ограничивал себя одной определенной аудиторией. Для совсем маленьких читателей он написал, например, книгу «Дот и Тот из Мэриленда» и «Мерцающие сказки», для юных девиц – серию «Тетушка Джейн», для мальчиков – серию «Юный охотник за удачей». Писал Баум и для взрослых – например, в 1908 году он анонимно опубликовал приключенческий роман «Последний египтянин», действие которого происходит в современном Египте.

Две книги, изданные в 1901-м, через год после «Волшебника страны Оз», – «Американские волшебные сказки» и «Мастер-ключ: Электрическая волшебная сказка», отразили новые тенденции в детской литературе. Их возникновение свидетельствует о том, что Баум с самого начала был склонен к экспериментам с жанрами и стилями. «Американские волшебные сказки» – это двенадцать сказок, действие которых происходит в узнаваемой обстановке современной Бауму Америки: в Чикаго или в многоквартирном доме, причем каждая сказка завершалась сатирической моралью. Эти истории сначала публиковались в еженедельных газетах. Впоследствии Баум собрал их, слегка отредактировал, дополнил и выпустил сборником в издательстве «Боббс–Мерилл» в 1908-м (Rogers 2002, 97)⁴, сопроводив «Авторским комментарием», в котором заявлял, что детям эти сказки покажутся «такими же поразительными, как и те, что были написаны сотни лет назад, поскольку мы живем в поразительную эпоху» (Gardner 1978, ix). Однако большинство критиков, включая Джеймса Тарбера и Рассела Б. Ная, упрекали автора в том, что действие сказок никогда не выходит за рамки реальных Соединенных Штатов, и таким образом нарушается основное правило сказки, предполагающее создание воображаемого мира, подобного стране Оз или Нетландии (Turber 1934, 141; Нye 1994, 3). Но важнее то, что грубоватый, часто политизированный юмор Баума и навязчивое морализаторство предназначались скорее взрослым, чем детям; возможно, именно поэтому дети восприняли книгу без энтузиазма.

«Мастер-ключ: Электрическая волшебная сказка, основанная на тайнах электричества и оптимизме его приверженцев» представляет собой модернизированную версию сюжета о трех желаниях, исполнителем которых выступает Демон Электричества, он дарит электрические подарки мальчику по имени Роб Джослин, чье имя составлено из имен двух сыновей Баума. Хотя автор, пытаясь создать научно-популярное произведение, включил в повествование новейшие технологии, реальные научные детали остаются неясными: очевидно, что писатель восхищался чудесами технического прогресса, но плохо разбирался в их сути. Назвав эту книгу наукообразной «причудой», Дэвид Л. Грин отмечает, что Баум «обнаруживает крайне скудные научные знания» и указывает, что его «использование науки гораздо ближе фантастике, чем подлинным исследованиями» (Greene 1981, 14, 16). Гарольд Э. Майнер также разде-

⁴ Подробный разбор всех книг Л. Фрэнка Баума, включая произведения, опубликованные под псевдонимами, см. у Rogers.

лял эту точку зрения и писал, что технологии у Баума «похожи на скрытое волшебство» (Miner 1975,3). О том, что Баум воспринимал технические достижения как соединение творческого начала и волшебства, со всей очевидностью можно судить по книгам о стране Оз, где появляется такой персонаж, как Тик-Ток из страны Оз, – механический человек, которого необходимо заводить, словно часы. Гарри Нил Баум так объяснял идею своего отца:

Отец считал воображение основным источником прогресса. Все механические устройства, улучшающие нашу жизнь, являются результатом чьей-то творческой фантазии: швейная машина, паровой двигатель, электрический генератор, телеграф, радио, автомобиль, аэроплан, ядерная энергия – все это и многие другие изобретения и разработки появились благодаря чьему-то творческому мышлению. Он верил, что воображение, каким бы ни был его изначальный импульс, внесло очевидный вклад в прогресс и благополучие народа (1960, 2).

В начале XX века, когда электричество и кино были еще в новинку, технические достижения многим казались чудом. К сожалению, «Мастер-ключ» не произвел впечатления на читателей, и тогда Баум обратился к другим жанрам.

Помимо произведений, которые Баум публиковал под своим именем, он написал несколько десятков повестей под различными псевдонимами. Начиная с 1906 года под псевдонимом Эдит Ван Дайн выходила серия из десяти книг «Племянницы тетюшки Джейн» – это были морализаторские произведения для девиц, явно написанные по образцу повестей Луизы Мэй Олкотт, которые были весьма популярными в то время у девочек-подростков и продавались так же хорошо, как ежегодные книги о стране Оз (Rogers 2002, 137). В 1911 году под псевдонимом Ван Дайн Баум сочинил серии «Мэри Луиза» и «Летающая девочка». Среди других его псевдонимов: Сюзанна Меткалф, Лаура Банкрофт, Капитан Хью Фитцджеральд, Флорид Акерс, Шайлер Стонтон и Джон Эстес Кук. Кэтрин Роджерс полагает, что использование псевдонимов было вызвано желанием не «портить репутацию ассоциацией с дешевым чтением» (2002, 136). Нет сомнений, что Баум писал ради заработка, и все же некоторые его книги, изданные под псевдонимами, не уступают по качеству и богатству фантазии сиквелам о стране Оз, а иногда и превосходят их. Но все-таки большая часть этих серий вскоре попали в опалу у библиотекарей и учителей.

В Калифорнии, 1909–1919

На роялти, полученные за книги, и доход от поставленного в 1902 году и имевшего огромный успех эксцентричного мюзикла «Волшебник страны Оз» Баумы приобрели дом в Чикаго, а также коттедж в Макатаве, штат Мичиган, где семья проводила летние месяцы, когда сыновья подросли. Там Баум писал, отдыхал и столярничал, даже сам мастерил мебель для дома. Осенью 1908 года Фрэнк отправился в путешествие для продвижения книг о стране Оз на театральные подмостки. В спектакле «Сказка и радиопьесы» соединились дорогие раскрашенные от руки слайды, игра живых актеров и оригинальная музыка. Баум сам выступал в главной роли Волшебника страны Оз и одновременно рассказчика. Хотя билеты часто бывали полностью раскуплены, расходы на слайды, декорации, гонорары актеров, музыку, переезды и рекламу превышали доходы. В 1909 году Баумы снова испытали серьезные финансовые проблемы и были вынуждены, продав любимый коттедж в Мичигане, переехать в арендованный дом в Калифорнии.

На следующий год Фрэнк и Мод взяли кредит, чтобы построить дом, который впоследствии назовут «Озкот». Расположенный недалеко от пересечения Чероки-авеню и Юкка-стрит, всего в квартале от Голливудского бульвара, «Озкот» имел большую застекленную веранду и сад, где Баум выращивал цветы, в том числе розы, георгины и хризантемы, которые получали призы на выставках. Вскоре он прославился как один из лучших садоводов-любителей Южной Калифорнии. Он также соорудил в саду большую клетку и держал там редких экзотических певчих птиц. А еще в семье появилась собака – кинг-чарльз-спаниель, которого, разумеется, звали Тото.

В Калифорнии Баум вернулся к еще одному раннему увлечению – драматургии. В 1909 году он написал пять новых пьес, а в последующие девять лет – еще дюжину. Любовь к театру логичным образом привлекла его внимание к развивавшейся в Лос-Анжелесе киноиндустрии. Баум создал свою собственную кинокомпанию «Оз филм». Весной 1914 года компания сняла три фильма, основанных на книгах о стране Оз: «Лоскутушка из страны Оз», «Волшебный плащ из страны Оз» и «Его величество Болваша из страны Оз». К сожалению, «Лоскутушка» оказалась коммерческим провалом. В отличие от трех предыдущих мюзиклов, написанных для взрослого зрителя, этот сценарий точно воспроизводил сюжет книги Баума, и, как утверждал Фрэнк Джослин, «зрители были недовольны тем, что им приходилось платить взрослую цену за „детскую“ историю» (Spring 1958, 2). После этой неудачи от других сценариев по сказкам Баума пришлось отказаться, видимо, из опасений, что зрители станут ассоциировать с ними кинокомпанию «Оз Филм». У «Волшебного плаща из страны Оз» было мало общего с книгами, кроме упоминания Оз в названии, на самом деле это была адаптация книги 1905 года «Королева Зикси из страны Икс». Для съемок третьего фильма 1914 года компания «Оз Филм» выбрала приключенческую повесть для взрослых «Последний египтянин». В 1915 году вышли еще три фильма, никак не связанные с книгами про страну Оз, после чего кинокомпания Баума объявила о своем банкротстве и закрылась.

К непрекращающимся финансовым проблемам добавилось ухудшение здоровья, из-за чего Баум не мог больше писать. В последние годы жизни он страдал от различных недугов, в том числе невралгии тройничного нерва, боли от которой приходилось купировать большими дозами морфина. Писатель также перенес операции по удалению желчного пузыря и аппендикса. Пятого мая 1919 года у Л. Фрэнка Баума случился удар. Он умер на следующее утро, не дожив всего десяти дней до своего шестидесятилетия. Мод прожила в доме в Голливуде еще более тридцати лет и умерла в 1953 году. Ее завещание содержало следующее требование: «В сундуке в чулане лежат издания „Волшебника страны Оз“ на иностранных языках – сохраните их» (BP, SCRC-SUL).

Глава 2

ВОЛКОВ – ПИСАТЕЛЬ-НЕВИДИМКА

Интерес к детской литературе возник у Александра Мелентьевича Волкова довольно поздно, первую половину своей жизни он посвятил другим профессиям. И все-таки он написал около двадцати книг, а также множество пьес и коротких рассказов для детской аудитории. Цикл из шести книг о Волшебной стране начался с переработанной версии «Удивительного волшебника страны Оз» Баума и снискал огромную популярность у детей в Советской России и за ее пределами. И тем не менее Волков, как и Баум, оставался относительно незамеченным и неизвестным на протяжении всей своей жизни. Короткие статьи, содержавшие лишь самые общие сведения, появлялись в массовых, студенческих или региональных периодических изданиях и, как правило, были приурочены к дням рождения писателя. Столетний юбилей, отмечающийся в 1991 году, способствовал появлению нескольких более обширных очерков, которые его друг Адриан Розанов опубликовал в сибирской газете «Рудный Алтай».

В 1970-е Волков изложил отдельные обстоятельства своей жизни в нескольких автобиографических очерках, но лишь некоторые из них были опубликованы при его жизни. В 1971 году были напечатаны «Из автобиографии» и «Начало пути», но наиболее подробный рассказ – «Повесть о жизни», который он написал в 1975 году, – появился лишь в 1978-м, уже после его смерти (ВА/ТГПУ).

Помимо коротких очерков самого Волкова, было опубликовано также несколько биографических статей, написанных другими авторами, но следует отметить, что они часто содержали ошибки, даже в дате рождения. Например, «Краткая литературная энциклопедия», девятитомное официальное литературоведческое издание, публиковавшееся в Советском Союзе с 1962 по 1978 год, указывает неверную дату рождения А. М. Волкова, а также содержит иные фактические ошибки. В вышедшем в 2000 году трехтомном биографическом словаре «Писатели нашего детства: 100 имен» дата рождения Волкова помечена знаком вопроса (Воронова 1999, 98). Неверная информация о жизни Волкова и его творчестве повторяется в других публикациях, особенно в интернете. До 2015 года статья о Волкове в русской Википедии указывала его дату рождения как «14 июня или 14 июля 1891». Лишь в последнее десятилетие Александр Волков стал привлекать внимание ученых и критиков. По иронии судьбы возросшему интересу к своей жизни Волков оказался обязан не многочисленными изданиями серии о Волшебной стране или другим своим книгами для детей, а месту рождения.

Подступы к биографии А. М. Волкова

Хотя Волков начал публиковать произведения для детей в 1939 году, первое научное исследование его биографии появилось лишь сорок лет спустя, ровно через девяносто лет после его рождения. В 1981 году в честь 250-летия присоединения Казахстана к России местный краевед Станислав Евгеньевич Черных (1934–1991) издал книгу «С берегов Иртыша», в которой написал о жизни и свершениях самых знаменитых жителей Восточного Казахстана. Первое интервью у Волкова Черных взял в 1969 году, а затем продолжил беседы с ним в 1970-е. Впоследствии он включил рассказы Волкова о своей жизни в пространное повествование об истории города Усть-Каменогорска. К моменту выхода этой книги Волкова уже не было в живых, так что детали его рассказа невозможно ни проверить, ни исправить. Более того, поскольку книга в целом посвящена истории края, Черных использовал полученные факты так, чтобы они органично вплетались в его романтизированный рассказ, и иногда добавлял кое-что от себя, например, описание того, как Волков в детстве ловил с отцом рыбу в Иртыше.

Те немногочисленные критические статьи, которые появлялись при жизни Волкова, часто полностью игнорировали его биографию или заимствовали отрывочные сведения из публикации Черных. Никаких иных биографических материалов не появлялось еще в течение двадцати лет после смерти писателя. Наконец в 2002 году Светлана Кочурина и Марина Войцеховская подготовили и издали историю Томского учительского института, где упомянули, что Волков был одним из первых его студентов. В том же году Войцеховская и Татьяна Галкина, директор музейного комплекса Томского государственного педагогического университета, написали еще одну книгу о том, как Томский учительский институт стал университетом. В ходе исследования Галкина с удивлением обнаружила, сколь скудна доступная информация о Волкове, и решила внимательнее изучить найденные документы, чтобы удостовериться, что речь в самом деле идет об авторе любимых книг ее детства. Она была поражена тем, что о Волкове было написано так мало, и захотела узнать больше.

Когда в конце 2002 года редакторы журнала «Сибирская Афина» посвятили один номер столетию Томского государственного педагогического университета, Галкина опубликовала в нем первые результаты своих кропотливых исследований. В ходе изысканий она обнаружила еще один неопубликованный автобиографический очерк, написанный в 1974 году и озаглавленный «Чем я обязан Томску», в котором Волков выражал сердечную признательность и любовь городу, откуда начался его путь в большой мир. В статье 2002 года «Волшебник Изумрудного города» Галкина полностью приводит найденную рукопись, в которой сообщаются даты и детали личной жизни Волкова и которая, таким образом, является еще одной короткой автобиографией, написанной писателем за три года до смерти. Эта публикация Галкиной наконец представила жизнь писателя-невидимки, пусть и скрытую еще в тени истории Томска.

Опираясь на драгоценные находки, каковыми являются личные записи Волкова, в 2006 году Галкина издала книгу «Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах». Таким образом, почти через тридцать лет после смерти Волков наконец оказался в фокусе обширного исследования. Выбрав хронологический подход для представления собранных исторических документов, Галкина не углубляется в их критический и литературоведческий анализ, но добросовестно сообщает о содержании личных бумаг Волкова, дополняя историю его жизни важными деталями, почерпнутыми из дневников и писем⁵.

⁵ Хотя книга Галкиной была издана тиражом всего в 200 экземпляров, ее публикация открыла экспертам доступ к письмам, дневникам и неопубликованным мемуарам Волкова, найденным в его архиве. Я цитирую неопубликованные документы по книге Галкиной, где их найти легче, чем в менее доступном Томском архиве.

В 2012 году я приезжала в Томск, чтобы внимательно изучить материалы Волкова, хранящиеся в Томском государственном педагогическом университете. Среди рукописей, документов и писем самым ценным без сомнения является «Невозвратное» – большей частью неопубликованная рукопись четырехтомных мемуаров Волкова, опирающаяся на его дневники с 1910-х по 1950-е годы (ВА/ТГПУ)⁶. На протяжении многих лет Волков вел записи, которые в 1965 году начал разбивать на главы, затем отложил на время эту работу, потом в 1967-м взялся снова, а в начале 1970-х добавил последние абзацы. Как и биография Л. Ф. Баума, написанная Баумом и Макфоллом, «Невозвратное» Волкова следует читать с определенной долей скептицизма, поскольку Александр Мелентьевич Волков, готовя записи к публикации, отредактировал и перекомпоновал их, а также потому, что некоторые из сообщаемых им сведений невозможно подтвердить. Более того, как и большинство мемуаров, на эти воспоминания, без сомнения, оказали влияние культура и эпоха, в которые они были написаны и отредактированы.

С 1938 по 1977 год, примерно в тот самый период, когда Волков сочинял и публиковал свои произведения для детей, он написал двадцать пять тетрадей личных дневников. Они начинаются с очерка, озаглавленного «Первые шаги в большую литературу, 1931–1938» (ВА/ТГПУ). Очевидно, что эти записи не были лишь фиксацией его частной жизни, но, видимо, рассматривались как свидетельство участия в детской литературе и создавались с прицелом на последующую публикацию. В дополнение к неизданным воспоминаниям и дневникам сохранился большой корпус личных бумаг писателя, включающих автобиографии и отчеты о работе, частную переписку и материалы о педагогической деятельности (ВА/ТГПУ). Все вместе эти письменные свидетельства представляют ценный источник информации о длинной и яркой жизни А. М. Волкова, а также об удивительном времени, в которое он жил.

Опираясь на написанное Волковым, его дневники, интервью, данные Черных, письма и документы, опубликованные в монографии Галкиной, я попробую представить короткий биографический очерк жизни этого человека и его времени. Принимая во внимание большую субъективность жизнеописания, которое оставил писатель, читателю должен помнить о бездоказательности многих его воспоминаний. Даже в разных вариантах автобиографии здесь и там всплывают противоречивые факты. Несмотря на это, бесценные архивные документы восполняют многие лакуны и воссоздают облик малоизвестного человека и историю жизни писателя, остававшегося в тени созданных им сказок, столь любимых в России. А главное, они открывают важные детали сложной и увлекательной истории того, как и почему «Удивительный волшебник страны Оз» оказался опубликован за железным занавесом.

⁶ В 1966 году короткий отрывок из этой рукописи был опубликован в томской газете «Молодой ленинец», а в 2000-м другие отрывки были напечатаны в журнале «Вестник Томского государственного педагогического университета».

История семьи Волкова

Предки Волкова по отцовской линии – прадедушка Архип и прабабушка Мария Волковы⁷ – были крестьянами-староверами. Староверы отделились от Русской православной церкви в знак протеста против реформ, проводившихся патриархом Никоном в 1666 году. Подобно общинам амишей и меннонитов в США, староверы строго соблюдали традиции и придерживались консервативных религиозных убеждений, что отдаляло их от внешнего мира. Волков вспоминал, что жизнь в селе староверов была основана на строгом соблюдении моральных правил и обычаев, по которым каждый ел только из своей посуды, а курение считалось смертным грехом (Черных 1981, 206). Русские цари считали их угрозой российскому государству и относились к ним с опаской из-за их твердых убеждений и отказа подчиняться обрядам русской православной церкви. Некоторые староверы бежали из европейской части России по своей воле, но многих насильно переселяли подальше от столицы, часто в отдаленные районы Сибири и Средней Азии. Для колонизации территорий и под предлогом защиты от туземных народов, таких как казахи, Екатерина Великая повелела построить более пятидесяти крепостей в Северном Казахстане (Robbins 2008, 130). Предки Волкова по отцовской линии оказались в числе тысяч староверов, которых царица отправила в ссылку в 1760-е. Они жили в староверческом поселении Секисовка недалеко от нынешней северо-восточной границы Казахстана. К 1912 году население города увеличилось до пяти тысяч жителей, из которых 60 процентов считали себя староверами. Рассказывая о детстве своих родителей, Волков отмечал, что секисовские крестьяне покупали лишь то, что не могли произвести самостоятельно (Черных 1981, 205). В суровых и трудных условиях дед и бабка Волкова по отцовской линии воспитали шестерых сыновей и двух дочерей. Старший сын Михаил женился на Аксиини Потаповой. Она родила сына Мелентия (1861–1935?), отца будущего писателя, в тот самый год, когда царь Александр II освободил крепостных крестьян. Когда Мелентию исполнился 21 год, он записался в армию, в надежде, что его направят в офицерскую школу, где он сможет получить образование и таким образом улучшить перспективы семьи. В своих самых ранних мемуарах Волков вспоминает о том значении, которое его родители придавали образованию. В «Истории о жизни» он с горечью пишет о том, что его дед, ровесник таких великих русских писателей, как Пушкин, Гоголь и Лермонтов, никогда не слышал этих имен, а тем более не читал их произведений, поскольку в Секисовке в то время грамотными были лишь священники (1978, 61).

Отслужив обязательные шесть лет в армии, Мелентий вернулся в Секисовку и женился на украинской девушке по имени Соломония. Согласно рассказу его внучки, Иван Окша, прадед Александра Волкова по материнской линии, в восемнадцать лет был забрит в солдаты и прошел пешком от Кавказа до Сибири в поисках лучшей доли (Волков 1978, 63). Он осел на реке Иртыш неподалеку от Омска, где стал крестьянствовать и обзавелся семьей. Его дочь Александра вышла замуж за Петро Пономаренко, и они переехали в Секисовку, там в 1866 году родилась мать Александра Соломония Пономаренко⁸.

Чтобы избежать тяжелой крестьянской доли и обеспечить образование своим будущим детям, Мелентий, вопреки воле отца, в 1889 году снова записался в армию. Его направили для прохождения десятилетней военной службы на север Казахстана в Усть-Каменогорск. Этот город расположен у слияния Иртыша и реки Ульба к югу от самого высокого (4500 метров) пика Алтайского горного хребта и примерно в 740 км к югу от Новосибирска, ныне третьего по величине города России. Как и большинство городов в том регионе, Усть-Каменогорск недавно

⁷ В автобиографическом эссе «Начало пути» Волков отмечает, что в это время в фамилии было еще одно «О» (Волоков), которое, по всей видимости, опустил отец Александра Мелентий.

⁸ Местный чиновник в Сибири впоследствии русифицировал украинскую фамилию, изменив ее на «Пономарёв».

пережил резкий рост численности населения вследствие отмены крепостного права и начала строительства Транссибирской железной дороги.

Детство Александра и начало учебы в Казахстане

Четырнадцатого (или второго (по старому стилю) июня 1891 года в семье Волковых родился первый сын, через четыре дня он был крещен как Александр⁹. Болезненный ребенок едва не умер в первый год жизни, что было не редкостью в то время: семьи часто теряли детей из-за болезней или недоедания, а в тот год почти половина края страдала от жестокого голода. Семья Волковых потеряла двоих сыновей и двух дочерей, но сумела вырастить четверых сыновей и дочь: у Александра были братья Петр (1896–1920), Анатолий (1901–1979) и Михаил (1908–1942/3) и сестра Людмила (1906–1991?). Несмотря на то что родители Волкова уехали из староверческого села, дружная семья сохранила крепкую веру и соблюдала все религиозные традиции, в том числе строгие посты и обязательную утреннюю и вечернюю молитвы. Волков называет главные добродетели староверов, которым учили и которым следовали в доме его детства: добросовестное исполнение «принятых на себя обязательств, трудолюбие, упорство в достижении намеченной цели» (Черных 1981, 206).

Пока мать ради дополнительного заработка чинила солдатскую одежду, она потчевала своих детей воспоминаниями, сказками и преданиями, которые сама слышала в детстве в своей деревне. Волков пишет, что ему запомнилось, как ловко она сочиняла истории: «Думаю, что писательскую фантазию, помогающую мне в работе, я унаследовал от матери» (Волков 1978, 67). Среди самых ранних воспоминаний детства Волков упоминает фейерверк и празднование в Секисовке в 1894 году восшествия на престол Николая II, последнего российского императора. Еще до поступления в школу Александру однажды приснилось, что его унесли люди, прилетевшие в корзине на воздушном шаре. Когда он рассказал свой сон матери, она истолковала его так: «Вот начнешь учиться, а потом выучишься и поднимешься над нами высоко-высоко, оставишь нас» (Галкина 2006, 20). В то время Волков, конечно, не догадывался ни о том, сколь точным окажется материнское предсказание, ни о роли, которую воздушный шар сыграет в его далеком будущем.

Александр рано научился читать, слушая, как отец учил грамоте его мать. Волков объяснял: «Я не мыслю свое детство без книги. Читать я выучился необычно рано, на четвертом году жизни. По требованию мамы папа учил ее грамоте, а я вертелся около и запоминал буквы» (1978, 65). Он также вспоминал, что в местной церкви хранились старинные книги времен царя Михаила Федоровича (1596–1645) и что он мальчиком «любил перелистывать огромные тома <...> с непонятными крюками, изображавшими ноты» (Черных 1981, 206). Несмотря на скудное жалование, отец Волкова считал необходимым выписывать журналы, чтобы у детей всегда было что почитать. Таким образом, книги и журналы занимали важное место в детстве Александра, пробуждая сохранившийся на всю жизнь интерес к чтению и знаниям.

Маленький слабый ребенок, Волков отставал от сверстников в физическом развитии, но зато жил полной приключений параллельной жизнью, читая книги. В «Повести о жизни» Волков объясняет, что был не по годам активным читателем и уже в пять лет читал Майн Рида и многих русских поэтов-классиков, включая Пушкина, Лермонтова и Некрасова. В шесть лет в казарме отца он увидел первый фильм, что также дало толчок его воображению и любознательности, но все-таки чтение оставалось его главной страстью (Галкина 2006, 22). В детстве

⁹ До 1918 года в Российской империи использовали юлианский календарь «старого стиля». Дата 2 июня указана Галкиной, которая цитирует записи из книги Троицкого собора в Усть-Каменогорске (Галкина 2006, 17). Но, к сожалению, переводя дату по юлианскому календарю в дату по григорианскому, Галкина допускает ошибку и неверно указывает 15 июня, хотя должно было быть 14. Разница между календарями в XX веке была тринадцать дней, но в XIX – двенадцать. Верная дата указана и подтверждена в эссе Волкова «Чем я обязан Томску», опубликованному Галкиной в 2002 году под названием «Волшебник Изумрудного города». К сожалению, в другом автобиографическом очерке «Повесть о жизни» Волков сам неправильно указывает дату 14/1 июня, хотя должно было бы быть 14 июня по новому стилю и 2 июня по старому.

Александр особенно нравились книги Жюль Верна, Артура Конан Дойля, Редьярда Киплинга, Герберта Уэллса, Макса Пембертона и Чарльза Диккенса. Он вспоминал, что впервые прочитал «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна», еще когда учился в Томске, и обе книги произвели на него огромное впечатление (Галкина 2006, 42). В двенадцать лет Александр начал сочинять свою первую повесть в духе «Робинзона Крузо» – о человеке, выжившем в кораблекрушении и приплывшем на необитаемый остров, но смог написать лишь шестнадцать страниц (Волков 1978, 70). Когда Волкову исполнилось тринадцать, он начал издавать свой собственный журнал «Мои досуги», сам писал все статьи, рисовал иллюстрации и сам печатал, но признавался, что читатель у него был только один – его брат Петр (1978, 68). Без сомнения, то, что Волков с раннего детства был погружен в книги, помогло ему, когда в 1899 году он начал учебу в городском трехклассном училище.

На вступительных экзаменах он продемонстрировал, что уже умеет читать и писать, и это позволило ему начать учебу сразу во втором классе. На следующий год из-за возникшей напряженности в отношениях с Китаем Мелентий Волков был переведен в Зайсан, маленький пограничный город на востоке Казахстана. Через год семья вернулась в Усть-Каменогорск, и Александр возобновил учебу. В 1902 году отец демобилизовался и устроился продавцом в государственную винную лавку, которая находилась в двухстах километрах от Усть-Каменогорска, так что в двенадцать лет Александру пришлось жить самостоятельно и самому о себе заботиться. Этот непростой опыт способствовал выработке сильного независимого характера, так пригодившегося ему в годы потрясений и тягот.

Несмотря на эти перипетии, Александр успешно учился, и его регулярно награждали за успехи в учебе, дисциплину и трудолюбие. К тринадцати годам он получил свой первый аттестат, но ему были необходимы дополнительные занятия, чтобы поступить в подготовительный класс Семипалатинской гимназии. На скудное отцовское жалование в десять рублей надо было прокормить семью из семи человек, так что о занятиях с репетитором не приходилось и мечтать. К счастью, появилась возможность поступить в Семипалатинскую учительскую семинарию, где студенты получали государственную стипендию. Ныне большинству россиян Семипалатинск известен как город, где Ф. М. Достоевский провел пять лет в ссылке, и благодаря советскому атомному полигону, действовавшему там с 1949 по 1989 год. Но юному Волкову этот город дал возможность воплотить самые заветные мечты и надежды.

Семипалатинская учительская семинария, одно из первых специализированных училищ в Казахстане для подготовки учителей, открылась в 1903 году и приняла двадцать четыре студента из окрестных сел, которым предстояло учиться семь лет. К сожалению, в подготовительный класс принимали только тех, кому исполнилось пятнадцать, а Александру было лишь тринадцать. Поэтому ему пришлось два года проработать в книжном магазине, что, впрочем, дало ему возможность пользоваться частными библиотеками наиболее состоятельных людей станицы Усть-Бухтарминской, где до 1906 года проживали Волковы (Черных 1981, 208). Добираться до Семипалатинска – а это путешествие длиной в 225 км – Волков планировал на пароходе, но тот не прибыл. То лето выдалось очень засушливым, так что пароходы стояли на приколе и ждали, когда поднимется вода в Иртыше. Волков был в отчаянье, но позднее вспоминал: «Эта неудача впоследствии обернулась для меня неожиданной большой удачей, изменившей к лучшему весь последующий ход моей жизни» (Галкина 2006, 27). Действительно, это событие сильно повлияло на дальнейший жизненный путь Волкова. Он рассказывал, что его товарищи, учившиеся в Семипалатинской семинарии, служили потом сельскими учителями и передавали начатки знаний детям всех возрастов в бесчисленных крошечных городках в удаленных районах. Многие из них были мобилизованы в 1914–1915 годах и погибли в Первую мировую, Гражданскую войну или пали жертвами сталинских репрессий (Галкина 2002, 9). А вот жизнь Волкова сложилась совершенно иначе.

Продолжение образования, работа и семейная жизнь

В 1906 году в Томске открылся новый учительский институт. Это было десятое подобное учебное заведение в России и первое в Сибири. Институт получил 150 заявлений на 25 мест, но молодой Александр Волков старательно готовился и получил высокие оценки на вступительных экзаменах. В 1907 году в шестнадцать лет он самостоятельно отправился в Томск, проделав путь почти в тысячу километров. Волкову дали бесплатное место в общежитии и назначили ежегодную стипендию, размер которой позволял ему отправлять часть денег домой, чтобы помогать семье. Преподаватели в институте были строгими и требовательными, многие получили образование в европейских университетах. В это время Волков начал самостоятельно изучать иностранные языки: латинский, греческий, немецкий. Директор института, Иван Александрович Успенский, вспоминал Волкова как тихого скромного молодого человека, который оказался отличным студентом, лучше всего успевавшим по истории и географии (Галкина 2006, 35). Эти достижения в семье Волковых воспринимались как огромный успех и воплощение мечты отца, стремившегося дать своим детям образование. В Сибири на рубеже веков образование было залогом успешной карьеры и финансовой стабильности.

Спустя три года, в девятнадцать лет, Александр Волков получил диплом учителя городского училища и младших классов гимназии. Этот диплом позволял ему преподавать в образовательных учреждениях более высокого ранга, чем те, в которых он смог бы работать, окончив Семипалатинскую учительскую семинарию. Первое назначение привело Волкова в старинный алтайский город Колывань, что в трехстах километрах к юго-западу от Томска, на границе с Казахстаном. Здесь у Волкова появилось семьдесят учеников. Он вспоминал: «Во время работы в школе я преподавал все или почти все: физику, математику, естествознание, русский язык, литературу, историю, географию, рисование и даже латынь. Кроме пения» (Черных 1981, 210). Александр продолжал посылать домой деньги, помогая семье, но позволял себе роскошь подписки на два-три журнала в год. В свободное время он занимался рисованием, учился играть на скрипке, мандолине и балалайке, иногда принимал участие в постановках гастролирующей театральной труппы. Он также продолжал самостоятельно изучать иностранные языки – французский и немецкий. В те годы, когда Волков учился, а потом работал учителем в Сибири, в Европейской части России происходили интенсивные и драматичные перемены, которые постепенно распространялись на восток.

В 1894 году, после смерти Александра III, на престоле – вопреки собственной воле – оказался его сын Николай II. Он стал правителем страны, переживавшей экономические трудности и культурные потрясения, явившиеся следствием быстрой индустриализации и урбанизации. Организованная в 1902 году партия социалистов-революционеров объединила граждан, недовольных слабостью режима царя Николая. Эсеры требовали социальных перемен, в том числе в интересах промышленного пролетариата и крестьянства. Эта партия сыграла активную роль в революции 1905 года, которая вызвала волну затронувших все слои общества политических и общественных протестов, включая военные мятежи, забастовки рабочих и проблемы в сельском хозяйстве. Революция 1905 года завершилась установлением конституционной монархии и выборами в Государственную думу. Но эти реформы были проведены слишком поздно и не смогли предотвратить падение империи: спустя десять с небольшим лет страна погрузится в затяжную гражданскую войну. В 1914 году Россия вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты, чтобы сражаться против Центральных держав в самом смертоубийственном конфликте всех времен, где впервые были применены новейшие технологии и вооружение. В разгар Великой войны в результате Февральской революции 1917 года царь Николай II отрекся от престола. Так завершилось трехсотлетнее царствование династии Романовых. Большевицкая октябрьская революция 1917 года сбросила Временное правительство и провозгласила

Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) главным руководящим органом. Однако различные партии, недовольные результатами выборов, начали борьбу за власть, и в ноябре разразилась гражданская война. Это долгое и кровавое противоборство продолжалось до 1922 года и в конечном счете привело к созданию Советского Союза. Хотя вся страна пострадала за долгие годы войны и разорения, жители Сибири, и семья Волковых в том числе, не ощущали в полной мере тяжесть этих бедствий до 1919 года.

К счастью, слабое с раннего детства здоровье Александра Волкова освобождало его от службы в армии. Он был мобилизован в 1912 году, но его быстро комиссовали из-за слабого сердца. В 1913 году, оставив деревню Колывань, он вернулся в свой родной город Усть-Каменогорск, где более десяти лет проработал в школе для мальчиков – преподавал физику, математику, естествознание, русский язык, литературу, историю, географию и рисование. На деньги, полученные за работу в школе и частные уроки, Александр вместе с братом Петром купил родителям небольшой домик в городе. Вскоре все государственные винные магазины были ликвидированы, отец потерял работу, и Александр стал единственным кормильцем в семье.

Примерно в это время Александр Мелентьевич познакомился со своей будущей женой Калерией Александровной Губиной (1891–1946) – миниатюрной девушкой, которая преподавала гимнастику и танцы. Увидев ее на праздновании нового, 1915 года, он сразу влюбился. Калерия, очевидно, разделяла чувства Волкова, потому что уже через шесть с половиной месяцев они поженились. Волков признавался, что роль Калерии в его жизни была очень велика. В неопубликованных мемуарах он писал: «Всем, чего я достиг в жизни, что я смог и успел сделать, я обязан только ей» (Галкина 2006, 61). В 1915 году Волкова снова призвали в армию, но он опять был признан негодным к военной службе по состоянию здоровья и остался дома с молодой женой. Сначала они жили с его родителями, потом переехали на второй этаж в доме родителей Калерии, а в 1923-м построили свой собственный дом неподалеку от родительского. На следующий год 26 апреля родился первенец, которого назвали Вивианом – необычное имя для России, происходящее от латинского «жизнь». Дневники Волкова этого периода свидетельствуют, что он наслаждался отцовством и с радостью следил за тем, как рос и развивался младенец.

В 1917 году Волков стал директором в своей школе. Повышение означало значительную прибавку к жалованию. В соответствии с духом времени он в 1917–1918 годах начинает публиковать в местных газетах «Сибирский свет» и «Друг народа» квазиполитические стихи, а вскоре берется писать и пьесы для местного самодеятельного театра. В первой пьесе «Товарищ из центра» («Современный ревизор») видна явная переключка с юмористическими произведениями Николая Гоголя и его сатирической пьесой 1836 года «Ревизор». Александр при поддержке семьи и друзей поставил пьесу в своей школе для местных зрителей. Первый успех в комическом жанре побудил Волкова продолжать писать для театра. Но семья оставалась для него главным. Обучая сына чтению, он впервые обратил внимание на детскую литературу. Увлеченный возможностями драматургии, Волков написал несколько пьес для детского театра, в том числе: «Толя – пионер», «Домашняя учительница» и «Орлиный клюв» (Черных 1981, 210). Эти пьесы были поставлены и прошли с успехом сначала в Усть-Каменогорске, а позднее – в Ярославле. Волков решил попробовать опубликовать свои произведения. Он переписал пьесы в тетрадь и передал другу, чтобы тот доставил ее в московское издательство. Но, к сожалению, чемодан украли на вокзале. Вторая попытка закончилась письменным отказом. Но все же эти первые литературные опыты позволили Волкову почувствовать вкус того мира, который его привлекал и куда он вернется через двадцать лет.

В первые годы семейной жизни Волков не только учительствовал, руководил школой и пробовал себя в писательстве, но и продолжал образование. Он самостоятельно занимался латынью, французским и немецким, а также поступил на заочные курсы, чтобы подготовиться

к экзаменам на аттестат зрелости. Сдав эти экзамены в 1918 году, он взял трехмесячный отпуск и отправился в Томск, чтобы написать дипломную работу по высшей математике в Томском технологическом институте. Волков отучился первый семестр, а на второй взял отпуск и вернулся к семье, предполагая приехать в Томск уже вместе с женой и сыном и в следующем году закончить учебу. Но разразившиеся в европейской части России революция и гражданская война к тому времени докатились и до Сибири. И Волкову пришлось отложить свои планы.

Сибирь в конце XIX – начале XX века

Жителям Сибири постоянно приходилось противостоять силам природы, поэтому люди научились рассчитывать только на себя. Благодаря низкой плотности населения у них всегда было достаточно земли для ведения сельского хозяйства и строительства, они не знали крепостного права, не подчинялись помещикам и могли самостоятельно заниматься охотой и земледелием. Общественная жизнь, даже в таких больших городах, как Иркутск и Омск, была весьма скудной, поэтому сибиряки, такие как Волков, научились развлекать себя сами, организуя самодеятельные театры и литературные кружки. Сформированная обстоятельствами самодостаточность стала основной чертой сибиряков, которые гордились своей способностью существовать независимо от Европейской России. Это в свою очередь позволило им хотя бы какое-то время избегать политических и социальных потрясений.

В конце XIX века в Сибири усилились сепаратистские настроения. Из опасения лишиться части территории, которая могла добиться самостоятельности или отойти Соединенным Штатам или Китаю, в 1880 году Александр II велел начать строительство железной дороги из европейской части России до Владивостока. Но в 1881 году Александр II был убит террористами, и строительство Транссибирской магистрали началось лишь через десять лет, в год рождения Волкова, уже при императоре Александре III, а завершилось через двадцать пять лет, в 1916-м. Транссиб позволил увеличить вывоз из Сибири в Центральную Россию сельскохозяйственной продукции, в первую очередь зерна. Население городов, расположенных вдоль железной дороги, значительно увеличилось. В конце XIX века Томск был самым большим сибирским городом, а также важнейшим образовательным центром. Магистраль проходила южнее, через Омск, что, с одной стороны, приостановило дальнейший рост этого университетского города, но с другой – уберегло его от жестких проявлений борьбы за власть.

К 1900 году европейская часть Центральной России была перенаселена. Несколько неурожайных лет стали причиной распространения голода, который вызывал крестьянские волнения. В 1906 году царь Николай издал указ, по которому крестьянам разрешалось переселяться за Урал и в Сибирь, где они получали дешевые, а часто и бесплатные, земельные наделы. Государство давало займы, информационные материалы и направляло агитационные поезда, чтобы побудить переезжать на восток. Население Сибири увеличилось с 5,8 миллиона в 1893 году до 10 миллионов в 1913-м (Hartley 2014, 172). При этом Сибирь по большей части оставалась аграрной территорией с небольшой прослойкой рабочего класса и еще более незначительной – интеллигенции. Представители среднего класса до начала Гражданской войны составляли 55–60 тысяч (включая членов семей) из 10 миллионов жителей Сибири (Шиловский 2003, 25). К 1917 году городское население составляло лишь 13 процентов, причем три четверти жили в самых крупных городах – таких как Томск, Омск и Иркутск (Шиловский 2003, 25). Здесь издавались газеты, и горожане первыми узнавали о переменах, которые с безумной скоростью происходили в российской столице.

Поначалу сибиряки приветствовали новость о Февральской революции 1917 года. Они без жалости сместили назначенных царем чиновников и образовали советы рабочих и солдатских депутатов, которые стремились получить всю полноту власти. Малочисленная городская интеллигенция состояла из сторонников самых разных партий с кардинально различающимися политическими взглядами. Приверженцы умеренных взглядов и промышленники объединились вокруг общей идеи регионализма и независимости Сибири, в то время как другие поддерживали Временное правительство, образованное в Петрограде (Haywood 2010, 107). Как и в европейской части России, власть в регионе переходила то к красным, то к белым, но в мае 1918 года Красную армию удалось вытеснить, белые взяли под свой контроль многие сибирские города и создали Временное Сибирское правительство, которое не имело влияния вне

Сибири и не было признано в европейской части России (Haywood 2010, 108). Однако, опираясь в основном на необразованное местное население, красные, проводя политику «разделяй и властвуй», полностью вернули себе контроль над территорией. В декабре 1922 года было официально объявлено о создании Советского Союза.

Вслед за политическими волнениями и сражениями Гражданской войны в Сибирь пришли и лишения, от которых уже страдала европейская часть России. Жизнь Волкова, как и других сибиряков, радикально изменилась. К 1919 году инфляция уничтожила семейные сбережения, так что Александр больше не мог продолжать образование. Несколько последующих лет были отмечены инфляцией, обнищанием, болезнями, политической нестабильностью и гражданскими беспорядками. Волков нередко принимал плату за частные уроки сеном, хлебом или керосином. Как образованный гражданин, Волков был втянут в драматические революционные события своего провинциального города, несмотря на то что, по его собственному признанию, был «очень слабо развит политически» (Галкина 2006, 69). Волков был назначен секретарем Совета рабочих и солдатских депутатов Усть-Каменогорска и избран заместителем председателя городской думы и заместителем председателя земского собрания. Теперь ему приходилось выступать на различных собраниях, хотя он признавался, что его понимание социализма было смутно, а уж марксизма тем более. Когда в январе 1918-го город впервые перешел в руки красных, Волков поспешил отказаться от руководящих постов, которые он короткое время занимал. И все-таки благодаря Февральской революции он приобрел первый литературный опыт, поскольку сотрудничал с усть-каменогорской газетой «Друг народа», где публиковал стихи, короткие рассказы и очерки.

В 1919 году дядя Волкова Александр и самый близкий ему брат Петр были призваны в армию, а в следующем году Петр умер. Единственным просветом в череде мрачных событий стало рождение в 1920 году второго сына, Ромуальда, которого в семье звали Адиком. В мае следующего года первенец Волковых Вивиан умер от дизентерии. Ему было всего пять лет. Адик тоже заразился, но выздоровел. Однако через два с половиной года он все же умер от крупа – респираторного заболевания, вызванного острой вирусной инфекцией. Потеряв обоих сыновей, Волковы тяжело переживали утрату, но, как и миллионы других россиян, которым пришлось жить во времена горьких испытаний, пытались держаться и сохранять веру в будущее. Волковы старались сосредоточиться на текущих семейных делах и максимально отдалиться от политических потрясений. Они обрадовались рождению 11 января 1924 года третьего сына, которого также называли Вивианом – в честь умершего первенца. В 1926 году Волкову предложили место директора школы в Ярославле, и он поспешил воспользоваться шансом и вывез семью из Сибири в европейскую часть России, где условия жизни были лучше. Весной 1927 года Волков возобновляет свои занятия математикой, он учится заочно и работает на полную ставку в Ярославле. Очарованный достижениями техники, на уроках физики он преподает теорию и технологию радиоволн и фотографию, организует в своей школе радиокружок. Семнадцатого января 1929 года у Волковых рождается четвертый ребенок, которого они называют Адик, в честь умершего сына.

Вскоре Волков отправляется в Москву изучать высшую математику в Московском государственном университете – старейшем и самом престижном университете России. Поскольку у жены Волкова на руках был младенец и к тому же она работала в школе учительницей математики, семья осталась в Ярославле. Когда старший сын Вивиан заболел скарлатиной, отец приезжал из Москвы дважды в месяц, чтобы помогать ухаживать за мальчиком в госпитале.

В конце концов Волкову удалось перевезти жену с детьми в Москву, но Калерия и младший сын тоже заболели скарлатиной. Для Волкова настали трудные времена, ему приходилось заботиться о маленьком сыне и жене, оказавшихся в больнице, продолжая при этом учебу и работу учителем физики и математики в разных московских школах. К счастью, жена и дети поправились, и жить стало легче. В 1931 году Волков был назначен директором по учебной

части на рабфаке (это особая форма образования, введенная в 1920–1930-е годы с целью в кратчайшие сроки обучить рабочих и крестьян и превратить их в полезные советскому обществу трудовые ресурсы). К удивлению своих начальников, несмотря на большую нагрузку, Волков окончил пятилетний заочный курс за семь месяцев. В 1931 году сорокалетний Волков получил диплом и теперь мог преподавать в вузах. В тот же год он принял предложение Института цветных металлов и золота имени Калинина, где и проработал четверть века – до выхода на пенсию.

В 1930-е годы, когда страной руководил Сталин, в советском обществе царила гнетущая тревога. Как и в смутные годы революции, Волков старался не выделяться и сосредоточился на семье, работе и получении новых знаний. Его дневники свидетельствуют о том, что еще в Усть-Каменогорске он начал самостоятельно изучать английский. В 1936 году он утверждал, что свободно читает на этом языке, но не может говорить. Углубляя свои знания, в начале 1930-х он наткнулся на книгу, с которой началась его карьера детского писателя. Конечно, в это время он не догадывался, что книге Баума суждено навсегда изменить его жизнь.

Чтобы иметь возможность публиковаться и получить доступ к иным льготам, существовавшим для профессиональных писателей в Советском Союзе, необходимо было быть членом созданного в 1932 году Союза советских писателей. Волков вступил в Союз писателей в январе 1941 года, предъявив при вступлении свои ранние произведения и уже снискавшую первый успех адаптацию книги Баума. Членство в Союзе гарантировало ему не только доступ в издательства, но и официальный статус писателя. Своими «крестными» в мире литературы Волков называл Самуила Маршака, Антона Макаренку и Ивана Ильина (Волков 1978, 74). Это были известные и влиятельные писатели, они не только помогли начинающему автору войти в литературное сообщество, но и поддерживали его конкретными советами и с одобрением отзывались о его ранних литературных опытах. Более того, они познакомили начинающего автора с некоторыми из самых известных современных детских писателей: Корнеем Чуковским, Агнией Барто и Сергеем Михалковым. В разговоре с председателем Союза писателей Александром Фадеевым Волков признался в желании изменить свою жизнь: «1 июля 1940 года исполнилось 30 лет моей научно-педагогической деятельности. Но я намерен проработать еще лет тридцать на писательском поприще» (Волков 1978, 74). С самого начала у Волкова были цель и план.

Но турбулентный век готовил для семьи Волковых новые испытания. В июне 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Когда в июле в Москве начались бомбежки, Волков попытался уехать с семьей в эвакуацию, но разрешения на отъезд ему не дали. В конце концов, благодаря членству в Союзе писателей, в сентябре он с семьей получил необходимые документы. Но тут заболел старший сын. В конце октября Волков с несколькими другими оставшимися писателями должен был отправиться на поезде в Томск, но передумал и решил, что скорее найдет работу в Алма-Ате. В столице Казахстана Волков не смог устроиться учителем и зарабатывал исключительно литературным трудом. Он сочинял патристические стихи, которые клали на музыку, делал переводы и писал рассказы и пьесы для радио, а также произведения для детей на военную тему, художественные и научно-популярные. Его книжка «Бойцы-невидимки», в которой рассказывается о применении математических расчетов в артиллерии и авиации, была опубликована в 1943 году, когда Волков еще жил в Алма-Ате. В тот же год его старшего сына призвали в Красную армию, а потом Волков с женой и младшим сыном вернулись в Москву. В 1946 году Волков написал еще одну познавательную книгу «Самолеты на войне», в которой рассказал историю военной авиации. Книга победила в конкурсе на лучшее произведение о войне и принесла Волкову большой гонорар, в котором он очень нуждался. После войны за свои военные публикации он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Так то, что началось для

Волкова как попытка найти заработок во время эвакуации, стало весьма продуктивной литературной деятельностью.

Пережив войну и эвакуацию, семья Волкова вернулась в Москву. Но прежде, чем жизнь вошла в нормальное русло, случилась еще одна трагедия. Седьмого октября 1946 года внезапно умерла жена писателя Калерия, с которой они прожили тридцать один год. Волков был опустошен. В годы многочисленных тяжких испытаний жена была его музой, критиком и помощником. Волков посвятил ей все свои книги.

В 1954 году Александр Мелентьевич перенес две серьезные операции, после второй временно ослеп на левый глаз, но все-таки вернулся к работе в институте, где заведовал кафедрой. В 1957 году Волков вышел на пенсию и целиком посвятил себя литературе, отдавая этому занятию все свое время и силы. Начав печататься лишь в возрасте сорока восьми лет, он провел последние тридцать лет своей жизни, сочиняя книги для детей – как и обещал Фадееву, вступая в Союз советских писателей.

За волшебными сказками

Сказочные повести о Волшебной стране остаются самыми известными произведениями Волкова, но его вклад в русскую детскую литературу выходит за рамки жанра сказки, а его творческий путь начался намного раньше. После революции 1917 года Волков пробовал писать стихи на политические темы и короткие рассказы для усть-каменогорской учительской газеты. В 1920-е он сочинял пьесы, в том числе и для детского театра, но они остались не опубликованными. Волков говорил о литературе: это «моя страсть, мое призвание с юных лет» (Галкина 2006, 87), однако всерьез о писательстве он задумался только в 1930-е, после того как вместе с семьей переехал в Москву и завершил свое образование. Маленькие сыновья стали для Александра Мелентьевича внимательной и заинтересованной аудиторией. Волков также хотел найти источник постоянного дохода, чтобы обеспечивать семью.

С ранних школьных лет Александр Волков интересовался историей. В детстве он зачитывался приключенческими романами Майн Рида и Жюль Верна. Поскольку в историческом романе увлекательный сюжет успешно сочетается с познавательным содержанием, Волков считал его лучшим жанром, в котором и сам желал бы работать. Как-то раз он обнаружил в старой газете статью о подвиге по фамилии Крякутний, который смастерил воздушный шар и поднялся на нем в воздух, это произошло в 1731 году, задолго до знаменитого полета французов – братьев Жозефа-Мишеля и Жака-Этьена Монгольфьеров. Волков выбрал эту историю для исторической повести «Первый воздухоплаватель», действие которой происходит в эпоху царствования Екатерины Великой. В своей первой детской книге он рассказал историю Дмитрия Ракитина (это вымышленный персонаж), ученика знаменитого ученого Михаила Ломоносова. Волков приступил к работе над повестью в 1936 году, но начинающему и неизвестному автору было непросто добиться ее издания. В конце концов он обратился за помощью к Антону Макаренко, одному из основателей советской педагогики. Благодаря его поддержке и редакторским советам в 1940 году книгу удалось издать в Государственном издательстве детской литературы под названием «Чудесный шар». В шестидесятые годы Александр Мелентьевич вернулся к этой повести, значительно ее переработал и дополнил сюжет. Второе издание появилось в 1972-м.

В годы войны Волков писал принесшие ему известность патриотические произведения на военные темы и познавательные книги, но продолжал работать в своем любимом историческом жанре. Действие романа «Два брата» происходит первые в годы правления Петра Первого¹⁰. Рукопись была принята к печати в 1941 году, но из-за военных ограничений издание ее было отложено, и книга появилось только в 1950-м. Роман в 430 страниц, сопровождаемый 232 сносками-комментариями, рассказывает историю сыновей погибшего стрельца. Действие происходит в конце XVII – начале XVIII века, в основе сюжета – истории жизни двух братьев на фоне Петровской эпохи. Их судьбы складываются по-разному, но в конце концов оба оказываются на службе у молодого царя Петра и участвуют в строительстве новой столицы. Хотя первые критики указывали на ошибки в некоторых исторических фактах, книга использовалась как источник на уроках истории в одной из московских женских школ (Галкина 2006, 190–191). В 1961 году книга в значительно переработанном и расширенном варианте вышла в массовой серии «Школьная библиотека» тиражом 100 000 экземпляров с иллюстрациями Петра Алякринского (1892–1961), известного графика и автора плакатов периода Великой Отечественной войны.

Третий исторический роман Волкова «Зодчие» был опубликован в 1954 году. Книга уводит юных читателей еще дальше в глубь истории России – в XVI век. В ней рассказывается о

¹⁰ Подробный разбор исторической прозы Волкова см. в: Haber 2017.

покорении Иваном Грозным Казани и Астрахани и строительстве удивительного храма Василия Блаженного в Москве. Как и при создании первого исторического романа, Волков, приступая к работе, провел тщательное историческое исследование, что позволило ему включить в текст многочисленные детали и достоверные описания Москвы, различных слоев общества и самого Ивана Грозного в первые годы его царствования. Игорь Годин (1926–2000), опытный художник, оформивший более двухсот детских книг, выполнил для «Зодчих» черно-белые перьевые иллюстрации. Работа над романом началась в 1946 году, и, как и в случае с другими историческими произведениями, потребовала долгих исследований эпохи и языка. Волков хотел воспроизвести речь и идиомы того далекого времени, но, к сожалению, критики с неодобрением отнеслись к использованию архаизмов, и в последующем, переработанном издании писатель был вынужден многие из них удалить. В 1955 году историческому роману Волкова «Зодчие» было присуждено третье место в конкурсе на лучшее научно-художественное и научно-популярное произведение для детей, который проводило Государственное издательство детской литературы. Впоследствии книга была включена в список рекомендованного чтения для учащихся средней школы (Галкина 2006, 194).

Добившись успеха, Волков продолжил работать в историческом жанре. В 1963 году выходит роман «Скитание» о жизни итальянского философа и астронома Джордано Бруно. В 1969-м – «Царьградская пленница» – об эпохе Ярослава Мудрого, великого князя Новгородского и Киевского, объединившего эти два княжества в период своего правления.

В дополнение к этим историческим романам и книгам военной тематики, Волков опубликовал серию познавательных книг для детей среднего школьного возраста. Вышедшая в 1957 году книга «Земля и небо», которую сам Волков особенно ценил, представляет собой энциклопедию по астрономии и путеводитель по вселенной. Она состоит из сорока двух коротких статей об астрономии и географии, в которых рассказывается о возникновении астрономии, появлении системы Птолемея, путешествиях Христофора Колумба и Магеллана, открытии польского астронома Коперника и пр. Лауреат многочисленных премий художник Борис Кыштымков (1927–2007) выполнил для этой книги более ста цветных иллюстраций. В 1958 году книга заняла второе место в конкурсе на лучшее издание о науке и технике. После полета Юрия Гагарина в космос в апреле 1961 года Волков внес в книгу ряд дополнений. Благодаря популярности и актуальности своей энциклопедии, Волков получил возможность познакомиться с Гагариным и в мае того же года подарил ему книгу. К 1980 году «Земля и небо» выдержала тридцать переизданий и была переведена на семнадцать языков, в частности на английский, французский, немецкий, болгарский, польский, хинди, бенгальский, китайский и вьетнамский (Черных 1981, 227). Она также была включена в СССР в список рекомендованной литературы для средней школы. Черных восхищенно восклицает: «Если бы Волков написал только эту книгу, то и это создало бы ему широкую известность» (Черных 1981, 203). Хотя «Земля и небо», как и другие познавательные книги, не принесли Волкову всенародной известности, они позволили ему расширить читательскую аудиторию.

Перу Волкова также принадлежат короткие рассказы на самые разные темы, включая рыбную ловлю, военную авиацию, историю викингов, спорт, историю науки и научную фантастику. Всю свою жизнь Александр Мелентьевич был поклонником творчества Жюль Верна, который оказал значительное влияние на развитие научно-фантастической литературы. Волков перевел многие рассказы Верна. В 1939 году он опубликовал в журнале «Пионер» сокращенный перевод романа «Необыкновенные приключения экспедиции Барсака». В 1958 году Волков издал переработанный перевод этого произведения в виде книги. Даже когда его литературная карьера пошла в гору, в перерывах между работой над собственными произведениями Волков продолжал переводить Жюль Верна и в 1958 году опубликовал перевод «Дунайского лодчмана». Он также перевел патриотическое сочинение Верна «Лицом к флагу» (1896),

но журнал «Вокруг света», в котором была запланирована эта публикация, после войны изменил свою концепцию.

За долгие годы литературной деятельности Волков создал множество разнообразных произведений, многие из которых продолжают издаваться в России и по сей день, а также полностью доступны онлайн. Все вместе они лучше представляют своего автора, чем любая биография. Александр Мелентьевич был человеком, увлеченным познанием и просвещением.

Последняя глава

«Не мыслю себе жизни без работы» – так Волков закончил свою «Повесть о жизни». И он действительно продолжал работать до самого конца, вопреки возрасту (78 лет) и ухудшающемуся здоровью. С огромным интересом встречал писатель новейшие научные открытия и достижения современной техники и инженерной мысли. Когда в 1975 году друг Волкова Станислав Черных посетил писателя, тот показал ему лежавшую на столе рукопись своей последней книги для детей «В поисках правды» (Черных 1981, 230). А через год во время их последней встречи предоставил гостю возможность ознакомиться с письмами читателей: в архиве писателя их были десятки тысяч, и это доказывает, что, несмотря на отсутствие внимания критики, Волков не был неизвестным писателем (Черных 1981, 231). Через тридцать пять лет после вступления в Союз советских писателей Волков с гордостью отмечал, что опубликовал почти две дюжины книг, которые выдержали множество переизданий, переведены на тридцать языков, а их общий тираж достиг почти двадцати миллионов экземпляров (1978, 74). Теперь, почти сорок лет спустя, можно уже говорить о более чем пятидесяти миллионах экземпляров (Олеар 2014, 11).

Волков тихо скончался 3 июля 1977 года, не дожив всего нескольких недель до восьмидесяти шести лет. Он похоронен на Кунцевском кладбище, одном из старейших в Москве.

Глава 3

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ И РАЗВИТИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Удивительный волшебник страны Оз» считается первой американской волшебной сказкой, но до сих пор ведутся споры о том, что конкретно означает этот титул. Как «Оз» можно считать «первой», если в Соединенных Штатах фантастические произведения существовали в изобилии уже с середины XIX века? И что именно делает этот текст американским? Место действия? Персонажи? Сюжет? Мораль? Существуют ли в литературе уникальные американские свойства? Имела ли эта сказка политическое значение? Или указание «американская» – скорее маркетинговый ход, способ добавить популярной сказке глубины и серьезности и попытка продать ее на неосвоенном и изначально настроенном критически рынке детских книг? Вот основные вопросы, важные для понимания восприятия сказки Баума.

Еще более удивительно то, что сам термин «волшебная сказка» неоднозначен. Хотя Баум назвал свое знаменитое произведение «осовремененная волшебная сказка» (Baum 2000, 4), многие считают, что она больше сродни таким произведениям в жанре фэнтези, как книги о Гарри Поттере. Баум описывает своих персонажей очень детально, а истории их прошлого оказывают большое влияние на развитие сюжета, в то время как в волшебных сказках имеют первостепенное значение сюжет и тема, а развитие характеров персонажей почти отсутствует, поскольку сказки в основном работают с типическим, а не со специфическим. Место действия также внушает сомнения: обычно в волшебных сказках действие происходит в условном месте и в неопределенное время: «Давным-давно в далеком королевстве». Джон Роу Таунсенд считает, что когда авторы помещают свою историю в настоящее, как в «Алисе» или в книгах о стране Оз, это относит их скорее к жанру фэнтези, чем к волшебной сказке (Townsend 1996, 77). Таким образом, назвав свое произведение «осовремененной волшебной сказкой» и нарушив каноны жанра, Баум оставил свое произведение открытым для интерпретаций и противоречивых суждений.

Поскольку волшебные сказки в сознании американцев были связаны с европейской культурой и светской моралью, произведения этого жанра столкнулись с проблемами при адаптации в ранний период американской колонизации, а также позднее – в 20-е годы XX века, когда педагоги-реформаторы начали оспаривать традиционно доминировавшее право библиотекарей решать, что следует читать американским детям.

В 1924 году, на заре советской власти, Надежда Крупская, руководитель Народного комиссариата просвещения и жена Владимира Ленина, тоже выступала за запрет волшебных сказок, считая их неподходящим чтением для детей. В первые годы перестройки в постсоветской России исследователи и критики детской литературы, а также политики и православная церковь снова подвергли сомнению ценность и оправданность широкого распространения волшебных сказок. Аналогичным образом в конце 1990-х некоторые родители и церковные группы в США осуждали книги Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере за то, что они якобы прославляют магию. Тот факт, что в Америке, Советском Союзе и России время от времени объявляли сказочную фантастику, а особенно жанр волшебной сказки, угрозой для детей, подчеркивает значение, которое педагоги, библиотекари и политики придают этому жанру. Поэтому публикация первой американской волшебной сказки в сталинском Советском Союзе в конце 1939 года кажется чудом до тех пор, пока мы не рассмотрим внимательно историю, развитие и задачи детской литературы.

С тех времен, когда детская литература использовалась как образовательный и воспитательный ресурс и до превращения ее в вид развлечения и источник удовольствия, она

постоянно находилась в центре дискуссий о религиозных и моральных ценностях, споров о необходимости создания книжных магазинов и издательств, а также обсуждений школьной программы и библиотечных коллекций. Само понятие «детская литература» с трудом поддается определению, поскольку включает в себя и произведения для взрослых, вошедшие в круг детского чтения, и литературу, написанную специально для детей, и тексты, созданные самими детьми. Изучение разных точек зрения на развитие детской литературы в США, СССР и России поможет понять не только значение появления сказок Баума и Волкова, но и то, почему оба автора столкнулись с сопротивлением при попытке издать их, а также объяснить, почему столь популярные произведения были встречены с таким равнодушием критиками, библиотекарями и учителями.

Я не ставлю перед собой задачу дать в этой главе исчерпывающий детальный очерк развития детской литературы в Соединенных Штатах, России и бывшем Советском Союзе. Об их сложной исторической эволюции рассказали с большей тщательностью другие исследователи; более того, поскольку детская литература все еще относительно молода и лишь недавно стала объектом научного изучения, многие детали и суждения все еще нуждаются в подробном рассмотрении и анализе. Поэтому я лишь коротко обозначу основные тенденции и назову некоторые известные имена, которые повлияли на формирование детских читательских предпочтений, образование и книгоиздание в этих странах, чтобы проиллюстрировать, как волшебные сказки Баума и Волкова вписываются в более широкую историю развития детской литературы, и, используя этот контекст, объяснить, как и почему их произведения стали культурными маркерами, несмотря на противодействие, с которым они столкнулись.

Волшебные сказки и британская модель детского чтения

Поскольку формальную концепцию детства еще предстояло создать и дети еще не рассматривались как личности с их собственными потребностями и интересами, самые ранние истории – в виде устного фольклора, басен и сказок – были общим достоянием, их не создавали для детей специально, а просто делились с ними, как с членами семьи. Обычно это были назидательные сказки, которые учили морали, религии, общественным ценностям и правилам поведения и таким образом помогали воспитывать и цивилизовать массы. Джек Зайпс, авторитетный специалист в области волшебной сказки, считает именно эту социализирующую функцию причиной того, что волшебные сказки получили столь широкое распространение (Zipes 2006, 14). Сказки также представляют традиционные верования, мифы о сотворении мира и повседневную жизнь разных народов, часто имеющих общие корни. После записи архетипические сюжеты и сказочные персонажи естественным образом становились предметом адаптаций – благодаря своей универсальности и отсутствию привязки к определенному общественному укладу, языку и эпохе (Sanders 2006, 82). Таким образом, сходные сюжеты, персонажи и мотивы появлялись в различных культурах, что свидетельствует о том, что сказки постоянно заимствовались и смешивались. Известно около пятисот версий сказки о Золушке, которая существует почти в каждой культуре, причем одна из самых старых, «Е-Сянь», впервые появилась в Китае примерно в 860 году н. э. (Dutheil de la Rochère 2016, 3). Вместо волшебницы-крестной девушке помогает рыба, но мачеха, бал и туфелька – все это присутствует и в этой ранней версии сказки. Почти тысячу лет спустя, в 1697 году, Шарль Перро записал и опубликовал сказку, которой суждено было стать самой популярной версией «Золушки» на Западе, и таким образом ввел ее в детскую литературу (Nesbitt 1969, 288). После того как волшебные сказки записали и начали передавать как литературные тексты, они приобрели статус, которым прежде не обладали, и стали рассматриваться как еще более важное средство социализации и способ представления детям мировой культуры, этикета и нравственных ценностей.

По мере того, как в Европе Нового времени развивались представления о детях и их месте в обществе, появлялось осознание потребности детей в собственной литературе, написанной специально для них. Просветительские идеи Джона Локка о невинности детства и потребности в игре, изложенные в «Мыслях о воспитании» (1693), были опубликованы в период роста среднего класса, заинтересованного в воспитании добродетели; это подразумевало и признание того, что ребенок не просто маленький взрослый, нуждающийся в воспитании, но личность, меняющаяся с каждым годом по мере взросления (Hewins 1888, 114–115). Труды Жан-Жака Руссо, который признавал, что детский ум отличается от ума взрослого, и утверждал, что детей «не надо вести, а надо сопровождать в поиске знаний», зложил основу будущих западных моделей воспитания (Megis 1969, 88), оказавших влияние на репертуар чтения русских детей.

Это новое внимательное отношение к детям и изменившийся социальный концепт детства привели к осознанию острой потребности в книгах, написанных специально для образования детей, а также для их развлечения. Джон Ньюбери (1713–1767), преуспевающий английский книготорговец, усвоив идеи Джона Локка, издал не менее тридцати книг, написанных специально для детей. Небольшого «детского» размера, с яркой обложкой, книжка Ньюбери «Маленькая хорошенькая карманная книжечка» (A Little Pretty Pocket-Book, 1744) содержала стихи, пословицы и рифмованные алфавиты. Однако эти привлекательные и интересные детям книжки все еще были перегружены морализаторством и в XIX веке постепенно были вытеснены в Англии произведениями, созданными более смелой фантазией, более увлекательными и активно пробуждающими воображение – такими как «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла (1865) и «Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье» (1871). Вскоре всевозможные продолжения «Алисы» Кэрролла, а также подражания

историям о Стране чудес стали появляться повсеместно, их авторы и художники пытались повторить успех Кэрролла. Начало XX века отмечено в Великобритании расцветом жанра волшебной сказки. «История Кролика Питера» (1902), «Питер Пен» (1904), «Ветер в ивах» (1908), «Винни-Пух» (1926), «Хоббит» (1937) стали классикой детской литературы. Эти книги быстро полюбили и американским детям, но еще важнее то, что они указали пути развития детской литературы, которая постепенно вступала в противоречие с предпочтениями первых американских поселенцев, считавших, что дети должны читать то, что учит их ценностям нового общества пионеров-первопроходцев.

Альтернативный путь детской литературы в Северной Америке

Люди, переселившиеся на богатые ресурсами и возможностями новые земли, отличались практичностью и оптимизмом. Первые колонисты не испытывали потребности в сказках, суливших богатство и процветание, наоборот – они твердо верили в воздаяние за упорный труд и терпение. Жители Северной Америки слагали сказки о подвигах обладавших сверхчеловеческими способностями легендарных героев, таких как Пол Баньян и Дэви Крокетт. (По иронии, та же самая героиня в избытке была представлена и в Советской России.) Отражая прагматические ценности колониального общества, первые американские детские книжки учили честности, религиозной морали и пользе упорного труда. Они часто осуждали праздность и занятия, которые не способствовали материальной или моральной пользе. Джиллиан Эйвери считает, что одним из основных различий между британскими и американскими книгами является осуждение американцами свойственной британцам склонности «придавать чрезмерное значение досугу» (Avery 1994, 6). Сравнение показывает, что у детей представителей высшего класса в Великобритании детство длилось дольше, чем у юных американцев. Дети иммигрантов и фермеров гораздо раньше вступали в трудовой мир взрослых и начинали нести ответственность наравне со старшими. Это обстоятельство способствовало воспитанию с ранних лет серьезного отношения к делу, привычке полагаться только на себя и сосредоточенности на заботах о семье и доме, так что у американской молодежи просто не оставалось времени на фантазии и сказки. Волшебные сказки с их выдуманными сюжетами и нереальными героями бросали вызов учению Библии и считались низкопробной литературой. Они возглавляли список книг, которые вызывали подозрения в раннем американском обществе. В 1830-х была начата кампания по изгнанию из детского чтения стихов «Матушки Гусыни», поскольку они не содержали поучений и не способствовали утверждению правильных моральных ценностей (Lanes 1976, 92–93). И наконец, волшебные сказки и детские стихи хранили вкус «старой страны», а американцы, по крайней мере в теории, стремились отмежеваться от британских социальных устоев и традиций.

Исайя Томас одним из первых начал издавать и продавать детские книги в американских колониях. Примерно в 1788 году он открыл книжный магазин в Ворстере, штат Массачусетс, и торговал пиратскими репринтами британских книг Ньюбери, отредактированными в соответствии с культурными предпочтениями американцев. Самуэль Грисволд Гудрич уже во взрослом возрасте вспоминал, как читал в детстве «Матушку Гусыню» и переводные волшебные сказки, при этом писатель убежденно заявлял, что «детские книги того времени были наполнены одними небылицами и ужасами, подстрекавшими читателей к преступлениям и кровопролитию» (Hewins 1888, 126). В 1827 году Гудрич опубликовал свои «Сказки Питера Парлея об Америке», а в последующие тридцать лет написал и подготовил к изданию еще более ста дидактических томов, в которых в упрощенном виде пересказывал для американских детей исторические факты, сведения по географии и путешествиям. По иронии судьбы его «Сказки Парлея» стали так популярны, что их переработанные другими писателями версии были опубликовали в Англии. Примерно десять лет спустя, в 1836-м, Гудрич издал «Книгу басен Питера Парлея», в которой также морализаторство преобладало над развлекательностью, но все-таки это издание обозначило растущую тенденцию – перемену в отношении к детской литературе, которую постепенно начинали воспринимать не только как средство воспитания и образования.

Не всем американским авторам удалось избежать увлечения романтической модой, которая охватила Германию, Францию и Англию и привела в конце XVIII и начале XIX века к созданию богатой традиции готических, фантастических и приключенческих произведений.

Европейский романтизм как художественное, философское и литературное течение представлял собой реакцию на рационализм Просвещения и промышленную революцию. Утверждая значимость мира природы и примат личности, романтизм прославлял воображение, индивидуализм и интуицию. В начале XIX века возрос интерес к национальной культуре, и романтизм с более пристальным вниманием стал рассматривать историческое и культурное прошлое каждой нации, изучая противоречия и страсти выдающихся личностей. Писатели и художники-романтики черпали вдохновение в волшебных сказках, поскольку считали, что их фольклорное начало хранит мудрость и опыт простого народа. Джон Рёскин и Джордж Макдональд, вдохновленные старыми устными формами и темами, создали так называемую современную волшебную сказку, но их произведения часто превращались в социальную сатиру или религиозные аллегории, адресат которых находился поверх детских головок (Townsend 1996, 78–79). Отчасти это объясняет, почему многие из этих современных волшебных сказок так и не прижились в детском чтении.

Как и волшебные сказки, первые приключенческие и фантастические книги, включая «Робинзона Крузо», сказки «Тысячи и одной ночи» и «Путешествия Гулливера», изначально были написаны для взрослых, но часто присваивались детьми. Помимо этих книг, которыми взрослые поделились с детьми, можно назвать еще «Легенду о сонной лощине» (1820) и «Рип Ван Винкля» (1819) Вашингтона Ирвинга. Марк Вест считает, что уже к 1850-м годам американские авторы, например Натаниэль Готорн, начали публиковать фантастические истории для детей, представлявшие собой красочный пересказ часто значительно переработанных мифов Древней Греции, к которым добавлялись романтические готические интонации (West 1989, 3). Вдохновленные европейскими сказками, другие североамериканские авторы также создавали получившие известность сказки для детей – Джеймс Кирк Полдинг, Говард Пайл, Лукреция Хейл, Гораций Скаддер, Палмер Кокс, Фрэнк Стоктон, Кристофер Пирс Кранч и Джейн Гудвин Остин. Многие произведения этих авторов все еще перегружены морализаторскими поучениями, но со временем такие писатели, как Стоктон, Кокс и Хейл, стали больше внимания уделять сочинению интересной, часто смешной истории, а не поучению. Решив, что в его книгах не будет «ни боли, ни преступлений, а только смех», Палмер Кокс создал комический мир ночных фей Брауни и начиная с 1887 года сочинил о них весьма популярную серию детских книг, первой в которой стала «Брауни. Их книга» (Avery 1994, 144). Хотя Кокс продолжал издавать новые тома вплоть до 1907 года, а Истман Кодак в 1900 году даже назвал одну из своих первых ручных камер «Брауни», этим сказкам так и не удалось достичь известности «Страны Оз» Баума.

Через двенадцать лет после появления серии «Брауни» Л. Ф. Баум в предисловии к рассказу о своем собственном вымышленном мире страны Оз заявил, что ставит перед собой схожую задачу – развлекать и дарить радость: «Современное образование включает моральное нравоучение, поэтому современный ребенок ищет развлечения в чудесных сказках и радостно пропускает все эпизоды, которые ему не нравятся» (2000, 4). Эта «современная» задача, реализованная в серии о стране Оз, отличает творчество Баума от большей части того, что публиковалось до него, и, возможно, определяет то, что ученые позднее, анализируя его серию, воспримут как «американское». Признание того, что детское чтение должно не только содействовать социализации детей, но и развлекать их, стало важным, но все еще спорным критерием при оценке тех книг, которые читали американские дети в начале XX века.

Хотя первые попытки американских авторов создать литературную сказку можно расценивать как важное пополнение американской детской литературы, из этих произведений сохранилось и осталось на полках немного, и они редко привлекают внимание современных исследователей. То, что «Удивительному волшебнику страны Оз» удалось выдержать испытание временем, в отличие от более ранних опытов других авторов, отчасти объясняет, почему именно эта книга, появившись спустя почти 125 лет после рождения новой нации, получила

титул «первой» американской волшебной сказки. Более того, создав волшебный мир страны Оз, Баум увел детей от домашнего очага, семьи, церкви и повседневных хозяйственных дел, которые прежде царили в большинстве детских книг, и увлек их чистой эскапистской фантастикой. «Волшебник страны Оз» стал первым образцом популярной детской литературы и научил американских читателей радоваться историям, наполненным сказочной фантастикой – как отечественным, так и пришедшим из других стран.

Американские волшебные сказки и детская литература в целом получили важный импульс к развитию после того, как «Скрайбнерс мэгэзин» начал издавать иллюстрированный журнал для детей «Сейнт Николас», который полюбился всем, поскольку здесь публиковались первоклассные произведения знаменитых авторов. В июле 1873 года Мэри Мейп Додж (анонимно, поскольку сама была первым редактором журнала) сформулировала задачи нового издания:

Журнал для детей должен быть сильнее, честнее, смелее и бескомпромисснее [чем журналы для взрослых]. Его веселый голос должен быть подобен пению птиц, а не снисходительной редакторской бубнежке <...> никаких назиданий, никакого скучного перечисления фактов, не надо перебирать сухие кости истории <...> Идеальный журнал для детей – это площадка для радостного досуга (Lanes 1976, 18).

«Сейнт Николас: иллюстрированный журнал издательства „Скрайбнер“ для девочек и мальчиков под редакцией Мэри Мейп Додж» появился в 1873 году и на протяжении шестидесяти семи лет публиковал американскую детскую литературу высочайшего качества. Здесь увидели свет произведения таких знаменитых авторов, как Лора Инглз Уайдлер, Брет Гарт, Луиза Мэй Олкотт, Марк Твен и Уильям Каллен Брайант, а также произведения, написанные самими детьми, включая ранние опыты Генри Люса¹¹, Эдны Сент-Винсент Миллей¹², Л. Фрэнка Баума, Роберта Бенчли¹³, Юдора Уэлти¹⁴, Ф. Скотта Фитцджеральда и Е. Б. Уайта. Мэри Мейп Додж создала в журнале несколько тематических разделов, чтобы привлечь разные возрастные группы и удовлетворить интересы как можно большего количества читателей; здесь публиковались рассказы о природе и ее защите, о науке и техническом прогрессе. Благодаря своей долгой истории и широте тематического охвата «Сейнт Николас» заложил основы американской детской литературы.

¹¹ Американский журнальный магнат, которого называли «самым влиятельным частным лицом в Америке своего времени». Он основал и тщательно контролировал ряд журналов, которые изменили журналистику и читательские привычки миллионов американцев. – *Примеч. пер.*

¹² Американская поэтесса и драматург, третья женщина, получившая Пулитцеровскую премию в области поэзии, одна из самых знаменитых поэтов США XX века. – *Примеч. пер.*

¹³ Американский журналист, актер и сценарист. – *Примеч. пер.*

¹⁴ Американская писательница и фотограф. – *Примеч. пер.*

Эволюция американской педагогики и руководство детским чтением

На рубеже XIX–XX веков, когда в США хлынул поток иммигрантов и начался рост индустриализации и урбанизации, образование стали считать средством социализации и ассимиляции, а также условием для карьерного роста. Тогда и родилась современная идея о том, что «все дети имеют право читать и получать удовольствие от хороших книг», – объясняет Джулия Микенберг. Считалось, что не только средний и высший классы, но и «даже дети бедняков и иммигрантов могут быть „спасены“ и „американизированы“, если им разрешить иметь детство» (Mickenberg 2006, 27–28). Образовательная система США рано начала пользоваться передовыми идеями, рожденными европейским романтизмом, который исповедовал демократизм, либерализм и социальную вовлеченность. Джон Дьюи (1859–1952) рассматривал прогрессивное воспитание как средство создания демократического и либерального общества, он обогатил учебную программу начальных школ США своими книгами по педагогике, имевшими огромное влияние, три из которых появились в 1897–1903 годах. Среди прочего Дьюи считал, что все усилия по созданию детских книг – их написание, иллюстрирование, критическая оценка и рекомендации – должны иметь своей целью интеллектуальное развитие ребенка. Он утверждал, что детей следует учить думать и рассуждать, а не заставлять просто зубрить. Школы использовали результаты исследований Дьюи и его методики для подготовки нового поколения педагогов, которые верили в то, что школы должны служить «моделью для внешнего мира, учить демократии и сотрудничеству и наделять детей знаниями и навыками, чтобы они могли противостоять социальным проблемам» (Mickenberg 2006, 31). Дьюи и другие прогрессивные педагоги в 1920-е годы даже посещали Советский Союз, а потом отправляли домой «восторженные рассказы о советской педагогике и о том, как образование содействует задачам общественного планирования» (Mickenberg 2006, 63). Но все-таки на родине некоторые рекомендации Дьюи шли вразрез со взглядами библиотекарей, которые в то время принимали большинство решений по поводу того, что можно разрешать читать детям, а что нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.